

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

Tyumen State Oil and Gas University

Penza State Technological University

Tashkent Islamic University

Penza State University

PERSONALITY, SOCIETY, STATE, LAW: PROBLEMS OF CORRELATION AND INTERACTION

Materials of the V international scientific conference
on October 15–16, 2016

Prague
2016

Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction : materials of the V international scientific conference on October 15–16, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 77 p. – ISBN 978-80-7526-141-0

ORGANIZING COMMITTEE:

Miroslav Sapik, PhD, the associate professor, vice-rector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences.

Eva Kashparova, PhD, research associate at University of Economics in Prague.

Nursafa G. Khairullina, doctor of social sciences, professor of Tyumen State Oil and Gas University.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Umidjon R. Kushaev, PhD, senior researcher applicant of Tashkent Islamic University.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of personality, society, state and law. Some articles deal with problems of personality types and social aspects of their formation and display. A number of articles are covered government as socio-political institute: general and specific. Some articles are devoted to law as regulator of public relations. Authors are also interested in problems of intercommunication between person, society and government in politic-legal theory and practice.

UDC 36:34:32

ISBN 978-80-7526-141-0

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. FREEDOM OF THE INDIVIDUAL: ACCOMPLISHMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS

Елина Д. Д., Задумкина Е. А., Пахолкина Т. М. Инклюзия в понимании современного общества	5
--	---

II. PERSONALITY TYPES AND SOCIAL ASPECTS OF THEIR FORMATION AND DISPLAY

Дорошин Б. А. Мифологический антропокосмизм как основание экологического сознания	10
Дьякова Л. Г. Взаимосвязь мужественности и поискового поведения у сотрудников МЧС	15
Дьякова Л. Г. Влияние личностных качеств мужчин мигрантов на процесс адаптации к новым условиям	21

III. EDUCATION AS THE MEAN OF FORMING HARMONIOUS, SOCIALY SUCCESSFUL AND BENEFICIAL PERSON

Чомаева З. М., Текеева С. З., Узденова Ф. Р. Роль руководителя образовательного учреждения в совершенствовании системы современного образования	25
--	----

IV. GOVERNMENT AS SOCIO-POLITICAL INSTITUTE: GENERAL AND SPECIFIC

Goncharov V. N. Economic aspect of social production sphere	28
Kolossova O. Yu. Civil society: globalization aspect of development	31
Rashidov R. R. The reconstruction process and state development in Afghanistan: achievements vs. contradictions	35

Розанова Н. Н. К вопросу о классификации репутации власти	40
---	----

V. LAW AS REGULATOR OF PUBLIC RELATIONS: HISTORY, MODERN TIMES, TENDENCIES OF DEVELOPMENT

Абазова М. В. Из истории судебной системы в Кабарде.....	46
Дендиберя А. А., Хажироков В. А. Правосудие как традиционная функция Российского государства.....	49
Купцова О. В., Чечин А. В. Юридический конфликт и юридическая коллизия: к вопросу о разграничении	52
Прийма А. А. Право как регулятор общественных отношений в истории России	54
Тимошенко А. В., Зинченко О. В. К вопросу об истории развития института мирового соглашения в Российском гражданском процессе	56

VI. PROBLEMS OF INTERCOMMUNICATION BETWEEN PERSON, SOCIETY AND GOVERNMENT IN POLITIC-LEGAL THEORY AND PRACTICE

Dyachenko Y. V. Practical realization of a culture of democracy in the context of modern democratic theory	60
Никишкин А. В. Особенности обеспечения дорожно-транспортной безопасности.....	68
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016–2017 годах.....	72
Информация о научных журналах	74
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	75
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	76

I. FREEDOM OF THE INDIVIDUAL: ACCOMPLISHMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS

ИНКЛЮЗИЯ В ПОНИМАНИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. Д. Елина
Е. А. Задумкина
Т. М. Пахолкина

*Студенты,
Череповецкий государственный
университет, г. Череповец,
Вологодская область, Россия*

Summary. In modern society, the acute problem of understanding inclusion. The main thing is not how people with developmental disabilities realize themselves in society, and how humanity relates to such people. After all, each person needs acceptance and support. In this article, we raise the question about how modern society treats the person with limited possibilities of health.

Keywords: inclusion; people with disabilities; personality; society.

Инклюзия (от inclusion – включение) – процесс реального включения людей с инвалидностью в активную общественную жизнь. Инклюзия предполагает разработку и применение конкретных решений, которые позволят каждому человеку равноправно участвовать в общественной жизни [1].

Наука рассматривает инклюзию как форму совместной жизни обычных людей и людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности, которое поддерживает (или не поддерживает) и развивает общество, и по отношению к участию в котором все члены общества имеют право свободного выбора. Инклюзия предусматривает для человека с особыми потребностями не ограничиваемое участие и свободу выбора его меры, форм и способов во всех социальных процессах, на всех ступенях образования, в процессе досуга, на работе, в реализации различных социальных ролей и функций. Например в образовании, рассматривается как право выбора каждого учащегося места, способа и языка обучения; для учащихся с особыми образовательными потребностями в случае их выбора в качестве места обучения образовательной организации общего назначения – создание условий, адекватных по качеству специальных образовательных услуг возможностям специального (коррекционного) образовательного учреждения, и полное включение в образовательный процесс образовательной организации общественного назначения [6].

Невозможно не заметить актуальность данной темы, ведь сейчас, к сожалению, в нашем мире количество людей, и зачастую детей, с ограниченными возможностями здоровья, растёт. Важно отметить, что идеи гуманизации, переосмысления человеческих ценностей, уникальности чело-

веческой личности являются основными составляющими идеями инклюзивного миропонимания. Данной проблемой занимались многие психологи, философы, социологи. Большой вклад в развитии данной темы внесли Е. И. Пурыгина, М. С. Староверова, Т. В. Тимохина. Авторы отмечают, что инклюзия достижима в той социальной среде, которая готова к восприятию самой этой идеи [3; 4; 5].

Каждый человек в нашей стране имеет право на образование, в том числе и человек с ОВЗ. Успешное введение инклюзивного образования возможно лишь в обществе, обладающем здоровой нравственной основой. А в данный момент, сложилась ли такая нравственная основа в нашем обществе? Готово ли сейчас молодое поколение к такому ответственному шагу, как инклюзия? Отношение обычных людей к человеку с ограниченными возможностями всегда ли основано на принятии, терпимости, толерантности и положительном отношении? Данными вопросами задаются многие социологи, психологи, педагоги, что говорит нам о повышенном интересе к данной теме. Исходя из вышесказанного, нами была поставлена цель – выяснить понимание проблемы инклюзии среди современной молодёжи.

Инклюзивное образование не считается синонимом лишь физического присутствия детей с различиями и дееспособностью вместе с другими детьми. Создание соответствующих условий в инклюзивном образовании и воспитании охватывает все аспекты, в том числе материального, физического, позиционного аспектов. Среда и возможности в такой системе должны быть на таком уровне, чтобы они охватили всех детей с различными ограниченными возможностями [4].

На сегодняшний день, в России, как и во многих других странах, присоединившихся к концепции инклюзивного образования, идея инклюзии была воспринята в уже сложившейся форме, а не как одна из сторон непрекращающейся политической дискуссии в обществе [6].

Многие образовательные учреждения переходят именно на инклюзивное образование, потому что сейчас происходит глобальные изменения в осознании общества с гуманной точки зрения. Гуманистическая идея общественного сознания строится на представлении о том, что современный мир является взаимозависимым и взаимодействующим, в котором признается равноправие всех жизненных взглядов, где уважают традиции и принимают инновации, устанавливаются диалогические и равноправные отношения между людьми вне зависимости от того, какими возможностями (интеллектуальными, физическими и др.) человек обладает.

За последнее время можно наблюдать, как идеи о ценности жизни медленно, но неуклонно овладевают общественным сознанием. Происходит поворот социального интереса к людям, не таким как все, имеющим ограниченные возможности жизнедеятельности и социальной активности, чье развитие и жизнь не вписываются в рамки типичного [5].

По мнению большинства исследователей и практиков инклюзивного образования, самыми важными и сложными являются – ценностные изменения: изменение образования – от «образования для образования» к «образованию для развития»; преодоление социальных и профессиональных стереотипов в восприятии детей с ограниченными возможностями здоровья; формирование сообщества, разделяющего идеи равноправия и принятия, стимулирующего развитие всех своих участников, в котором ценность каждого является основой общих достижений. Это касается и всего социума, и непосредственных участников образовательного процесса [3].

Инклюзия в широком смысле этого слова включает в себя не только сферу образования, но и весь спектр общественных отношений: труд, общение, развлечения. Везде должна быть создана доступная и доброжелательная атмосфера, преодолены барьеры среды и общественного сознания. На сегодняшний день инклюзивное образование на территории РФ регулируется Конституцией РФ, федеральным законом «Об образовании», федеральным законом «О социальной защите инвалидов в РФ», а также Конвенцией о правах ребенка. Государство должно обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни человека. Разрушение барьеров при получении доступности к качественному образованию приводит к объединению общественного пространства инвалидов и здоровых людей, меняется отношение к инвалидности: она считается не пороком, а особенностью того или иного человека. Мировое сообщество считает, что люди с инвалидностью имеют такие же права, как и все остальные граждане, и они должны иметь равные возможности в реализации этих прав [2].

На наш взгляд, система инклюзивного образования, с точки зрения социокультурных возможностей, образовательного пространства, нравственных принципов общества расширяется с каждым днем. В связи с этим, на предмет изучения уровня готовности общества к инклюзии и осмысления проблемы отношения людей к человеку с ограниченными возможностями здоровья, нами было проведено исследование. Экспериментальную базу составили студенты и преподаватели «Череповецкого государственного университета». В анкете предлагалось ответить на вопросы по блокам:

- Как вы относитесь к инвалидам?
- Какие положительные черты личности Вы можете отметить у инвалидов?
- Какие отрицательные черты Вы можете отметить у инвалидов?
- Как вы относитесь к тому, что бы инвалид был (ваш сосед, врач, родственник и др.)?
- В какой школе лучше всего было бы учиться детям-инвалидам?
- Нужны ли инвалидам льготы?

- Как Вы относитесь к созданию государственной программы трудоустройства инвалидов, созданию для них рабочих мест?

По результатам проведенного исследования, мы получили следующие данные: пилотажное исследование показало, что все респонденты положительно относятся к лицам с ограниченными возможностями, в том числе с интеллектуальными нарушениями; отмечают такие положительные черты личности как работоспособность, упорство в достижении цели, доброжелательность, терпение. Однако участники опроса выделили и отрицательные черты личности, которые могут быть у всех людей с ограниченными возможностями: завистливость, чрезмерное чувство жалости, недовольство окружающими. Многие респонденты видят людей с ограниченными возможностями своими соседями по дому, но затрудняются ответить, если это будет их родственник. Не желательно, по мнению участников опроса, если лица с ограниченными возможностями здоровья будут коллегами, подчиненными, врачами, учителями, представителями власти. Некоторые респонденты считают, что детям с нарушениями в развитии необходимо проходить обучение в специальном классе массовой школы, в школе индивидуального обучения. Необходимость льгот и государственной программы трудоустройства инвалидов признаются практически всеми участниками опроса.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что общество заинтересовано в проблеме инклюзии в нашем мире. Именно с позиций гуманизма и принятия оно ищет решения данной проблемы. В настоящее время не каждый готов принять человека с ОВЗ. Но осознание того, что люди видят данную проблему, что общество готово говорить, размышлять и действовать, для решения проблемы инклюзии должно мотивировать каждого. Осознание того, что это проблема есть здесь и сейчас, закладывает новый мировоззренческий фундамент, в центре которого стоит новый взгляд на социокультурную реальность. Такая этическая концепция утверждает ценность жизни любого человеческого существа, как единственного и неповторимого в этом мире. Его безусловное право на полноценную жизнь вне зависимости от того, есть у человека дефекты в развитии или нет, а также его безусловное право на образование и специальную помощь в соответствии с его особыми потребностями, право на достойную жизнь среди людей, право на уважительное отношение к нему. Ведь человек с ОВЗ, это не какой – то другой человек, это уникальная личность!

Поэтому процесс инклюзии в современном мире, это не только техническое или информационное внедрение каких – либо изменений в общественной жизни, а прежде всего – это изменение взгляда на жизнь и её ценность.

Библиографический список

1. Алехина С. В. Принципы инклюзии в контексте развития современного образования // Психологическая наука и образование. – 2014. – № 1.
2. Инклюзивное образование – путь к толерантному обществу : библиографический указатель / сост. С. В. Чиннова. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 51 с.
3. Пургина Е. И. Философские основы инклюзивного образования в контексте специального федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 2.
4. Староверова М. С. и др. Инклюзивное образование: настольная книга педагога, работающего с детьми с ОВЗ: методические пособия / под ред. Староверовой М. С. – М. : ВЛАДОС, 2011.
5. Тимохина Т. В. Инклюзивно ориентированное образование // Перспективы образования и науки. – 2014. – № 5 (11).
6. Юлдасова А. С. Философия взглядов на инклюзивное образование // Познание – 2016.

II. PERSONALITY TYPES AND SOCIAL ASPECTS OF THEIR FORMATION AND DISPLAY

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АНТРОПОКОСМИЗМ КАК ОСНОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Б. А. Дорошин

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The article explains the importance of considering the mythological aspects of environmental awareness. Anthropocosmic features of mythological world are revealed. Ecological aspects of the collective unconscious are touched. The role of media culture and the myths peculiar to it for the formation of environmental awareness is analyzed.

Keywords: myth; anthropocosmism; environmental awareness; media culture.

Обращение к мифологии в контексте проблемы экологического сознания обусловлено трансформациями, охватившими в конце XX в. социокультурное пространство и теоретический дискурс, способы концептуализации и осуществления социогуманитарной рефлексии во многих обществах детерминированный распадом устоявшейся идеологии и системы ценностей. Кризис в духовно-нравственной сфере заключается, наряду с прочим, в утрате привычных убеждений широкими слоями населения, и обуславливает активные искания мировоззренческих идей, способных нести функцию ясных жизненных ориентиров. В данных обстоятельствах увеличивается сфера возможностей приложения иррациональных способов освоения действительности.

Одним из существеннейших проявлений этого оказывается реактуализация мифа в качестве приемлемого для многих средства компенсации недостатка достоверного и положительного знания, а также сравнительно эффективного инструмента их ориентирования в социуме [12, с. 28]. Его эффективность, а также издержки функционирования в этом качестве сопряжены с тем, что, по определению С. Е. Ковалевой, «миф есть повествование, основанное на реальных событиях, либо визуального, либо эзотерического восприятия» [10, с. 106], и с тем, что, по замечанию М. А. Антипова, в позднейшее время «логос, породивший технику ... соединился ... со своей противоположностью – мифом» [3, с. 9].

В силу того, что миф в условиях модернизации, а во многих обществах – и начавшейся постмодернизации довольно часто проявляется только фрагментарно, оказываются востребованными реконструкция его ис-

ходного содержания, исследование различных этапов трансформации первоначальной модели, разрешение проблемы инварианта мифологического мышления [12, с. 28].

В контексте же протекающих примерно с середины XX в. глобальных социокультурных изменений парадигмального характера особенно важной можно полагать ту значимую особенность мифологического сознания, которая в противоположность установке современного человека на аналитическое рассмотрение различных феноменов универсума, т. е. на его разделение, заключается не только в осознании целостности мироздания, но и глубокой интегрированности в его жизнь самого человека [12, с. 34]. Эта интегративность вполне соответствует оформившейся в новейшее время философско-научной концепции антропокосмизма, являющего собой альтернативу выражающему противоположное – аналитическое отношение к миру и утвердившемуся в новое время антропоцентризму.

Изначально присущие мифологическому мировоззрению черты мировоззрения антропокосмического прослеживаются в:

- его синкретичности как древнейшей формы познания мира, космоса, общества и человека;

- свойственной ему интерпретации природной и общественной среды, сущности человека и передачи их единства через различные символические системы;

- отсутствию в большинстве мифологических систем выделения себя человеком и социумом из окружающего мира;

- представлении космоса, природы, общества и человека как различных проявлений одного и того же божественного закона, транслируемого посредством символической или символично-мифологической систем [13, с. 17].

Антропокосмический по своей сути характер мифологии и религии в контексте проблематики взаимодействия человека и окружающей среды показал в рамках представляемого им космистского направления в их социально-философском осмыслении Г. Н. Алмаев. Согласно его концепции, исходная экологичность религиозно-мифологического сознания /вместе с мифом/ как основополагающей формы человеческой культуры изначально проявлялась как специфическая оценка человеко-мирных отношений, что получило фиксацию в особых религиозных представлениях и категориях, которые по своему происхождению связаны с понятием «religare», означающим буквально «связь-отношение» [1].

Особенности и значение проявлений такой «связи-отношения» природнокосмического и антропосоциального в индивидуальной и коллективной психике людей выявляются в работах, авторы которых разрабатывают проблематику экологических аспектов бессознательного. Специфическое направление в обширном конгломерате междисциплинарных подходов к изучению отношений человека с природным универсумом представляет собой концепция экологического бессознательного. Её основания были за-

ложены в рамках экопсихологии американского мыслителя Т. Розака, разрабатывавшейся им в общем русле глубинной экологии, основными постулатами которой являются идеи об экологическом бессознательном как ядре духовной жизни; содержание которого образуют «записи» эволюции всего живого, а «подавление экологического бессознательного является самой глубинной причиной общего безумия в индустриальном обществе; открытый доступ к экологическому бессознательному — дорога к здравомыслию» [цит. по: 7, с. 53].

В России теоретической разработке проблематики экологического бессознательного посвятила своё диссертационное исследование по социальной-философии А. Х. Гимазетдинова. В нём получила развитие аргументация специфической роли экологического сознания как всеобщего и универсального аспекта общественного сознания и определено его значение как общей характеристики актуального состояния общественного сознания. Исследовательница установила, что феномен экологического сознания содержит не только сочетание индивидуального и общечеловеческого на осознаваемом уровне духовной жизни людей, но и несёт в себе специфическое отражение её бессознательного уровня. Обосновав правомерность выделения экологического архетипа в качестве особой структурной единицы коллективного бессознательного, А. Х. Гимазетдинова рассмотрела конкретизирующие и дополняющие соответствующую концепцию К.-Г. Юнга экологические мотивы мифологических и религиозных сюжетов. Уделив внимание амбивалентному проявлению данного архетипа в период глобальной кризисной ситуации в западном и восточном типах мышления, она раскрыла проявления амбивалентности экологического архетипа в экологическом оптимизме как форме экологического движения, стремящейся придать экологической проблеме большую осознанность, и в экологическом пессимизме как форме, ориентированной на возвращение ситуации, когда экологическая проблематика занимала нишу в структуре бессознательного. Не ограничившись выделением основных экологических тенденции мировых религий, она выявила и экологизирующую роль религиозного сознания в рамках современной духовно-гуманитарной парадигмы сознания [5, с. 9–10].

Характерные для функционирования архаических пластов экологического бессознательного идентификация человека с природой и перенос его отдельных атрибутов на составляющие естественной среды отражены в работе М. А. Антипова. Выявив некоторые составляющие экологического бессознательного в язычестве древних славян, данный автор подчеркнул как его наиболее значимое свойство установку на антропокосмическое единство с природным миром. Кроме того, им было уделено внимание проблеме вытеснения как механизму формирования экологического бессознательного, которое, в свою очередь, было соотнесено им как с коллек-

тивным бессознательным К.-Г. Юнга, так и с социальным бессознательным Э. Фромма [2, с. 96–97].

Особый вектор воздействия имеющих самое непосредственное отношение к мифологии бессознательных структур на духовные устремления молодёжи в постсоветской России обозначил в своём диссертационном исследовании С. Н. Волков. Он указал на архетипичные моменты, имеющие корни в языческом прошлом, а также на природную психофизиологическую доминанту, обуславливающую потребность чувствовать себя частью Космоса (по сути, являющуюся почвой для зарождения антропокосмических воззрений – Б. Д.), как на факторы, обуславливающие потребность определённой части российского общества, прежде всего, молодёжи, в приобщении к мистическим идеям [4, с. 298]. Как предполагает О. С. Жарова, архетипические структуры «являются той самой универсалией», которая может играть существенную роль в объяснении проблемы «другого сознания», т. е. в проблеме понимания субъективной реальности другого человека. [8, с. 93]. Это, в свою очередь, может быть использовано для учёта особенностей менталитета представителей различных социальных общностей, а также при выработке индивидуального подхода в формировании экологического сознания.

Укоренённость мифов в бессознательном, на уровне которого они детерминируют представления о мире людей даже в наиболее передовых обществах постсовременной информационной эпохи, является важным фактором обращения к ним для формирования у данных субъектов позитивных социальных установок и моделей поведения, в т. ч. Экологически ориентированных, посредством медиакультуры. При этом последнюю сближает с неизбежно и закономерно используемым ею мифом то, что и тот, и другая выступают в качестве посредников между человеком и универсумом, служат коммуникативными системами, посредством которых осуществляется конструирование реальности – как «внешней», вплоть до вселенских масштабов, приводимой таким образом в определённый порядок (космизируемой), так и самого человека, адаптируемого тем самым к окружающему миру, согласуемого с ним как микрокосм с макрокосмом [9, с. 141–142]. В этом смысле некоторые актуальные для ныне существующих обществ мифы, а по большей части – комплексы мифов, и развивающиеся на их основе варианты медиакультуры, вероятно, могут быть охарактеризованы как своеобразные антропокосмические матрицы, определяющие ту или иную картину мира. При этом весьма острой является проблема негативного аспекта медиакультуры, сопряжённого для незападных обществ с порождающей комплекс культурной неполноценности вестернизацией – культурной интервенцией, и проявляющаяся в *Меркантилизации* (культ денег, телесности, утилитарности), *Сексуализации* (как ослабление духовно-нравственного потенциала нации через развращение), *Демонизации* (навязывание потусторонних бесовских сил как позитивных, темная

духовность), *Танатизации* (представление о смерти как одной из предпочитаемых стратегий жизни) [11, с. 99]. Данные проявления, особенно связанные так или иначе с культурной интервенцией, во многом основаны на искусственных технологических мифах – псевдомифах [9, с. 132]. Интересной в связи с этим кажется мысль, что «информация, лишенная материального носителя (числа, цвета, объема и пр.), облачающаяся символически в сознании индивида, может определяться как некий креационизм, спиритуалистический акт, создающий образ из ничего» [5, с. 21].

Именно с псевдомифами связана тенденция формирования тех социокультурных моделей общественного бытия, предостережение о возможности появления которых содержит целый ряд антиутопий новейшего времени – моделей, тяготеющих к технократизму, консьюмеризму, омассовлению, отчуждению, обезличиванию и синтетичности как искусственности, т. е. утрате аутентичности как в отношении духовно-исторического наследия, так и в отношении естественной среды жизнедеятельности и развития того или иного народа.

Представляется, что для противодействия этой, с одной стороны, дегуманизирующей, а с другой – антиэкологичной тенденции в содержании постсовременной медиакультуры необходимо увеличивать долю образов, произведений, сюжетов и мотивов, несущих в основе своей национальные мифы, образующие, согласно Г. Лебону, «душу народа» и опирающиеся на архетипы, обеспечивающие энергетическую подпитку всякого подлинного мифа. В силу того, что архетипы формировались в начале истории всякого народа [9, с. 132], когда он во взаимодействии с естественной средой той территории, которая явилась его родиной, определял важнейшие особенности присущего ему традиционного уклада и формировал основы своего менталитета, для развития и совершенствования национального и регионального экологического сознания населения в условиях постсовременности видится особенно значимой популяризация через посредство медиакультуры тех мифов, которые выражают наиболее характерные данному народу и в то же время устремлённые к идеалу антропокосмической гармонии архетипические модели отношений человека и окружающей среды.

Библиографический список

1. Алмаев Г. Н. Экологические аспекты религиозного сознания: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Казань, 2000. Человек и наука. Библиотека диссертаций по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/ekologicheskie-aspekty-religioznogo-soznaniya> (дата обращения: 12.09.2015 г.).
2. Антипов М. А. К проблеме экологического бессознательного // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы II международной научно-практической конференции 1–2 ноября 2013. года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 95–97.
3. Антипов М. А. Эволюция мышления: диалектика мифа и логоса // Социосфера. – 2012. – № 3. – С. 9–13.

4. Волков С. Н. Феномен мистицизма: истоки происхождения и современное состояние в России. Дисс. ... Д. филос. наук. Саранск, 2004. – 317 с.
5. Волков С. Н., Жарова О. С. Концептуальная сущность информатиологии сознания (символический аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 18–21.
6. Гимазетдинова А. Х. Экологические аспекты общественного сознания и коллективного бессознательного: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Казань, 2005. – 25 с.
7. Доброродный Д. Г. Экопсихологическая стратегия в прикладном психоанализе: проблемное поле и перспективы // Философия и социальные науки : Научный журнал. – 2011. – № 2. – С. 51–57.
8. Жарова О. С. Постфольклорное сознание в современном российском обществе: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2013.
9. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. 448 с.
10. Ковалева С. Е. Медиаобраз экрана в постсовременном пространстве: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Саранск, 2013. – 157 с.
11. Ковалёва С. Е. Обращение к этнокультурным традициям в контексте проблем формирования нравственного социального потенциала экранными средствами // Этногенез и ранняя история народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2010 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 99–102.
12. Косов А. В. Феномен мифосознания. От мироощущения к мировосприятию // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2011. – Том 5, выпуск 2. – С. 28–34.
13. Наговицын А. Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. – М. : Академический Проект, 2005. – 656 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МУЖЕСТВЕННОСТИ И ПОИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ МЧС

Л. Г. Дьякова

*Магистрант,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. The article discusses the practical significance of the study of the resources that contribute to the mental and physical health of rescuers. Approaches to the definition of "masculinity" and "search behavior." The results of studies on the relationship between masculinity and behavioral attitudes among emergency workers.

Keywords: virility; masculinity; search behavior; attitudes; extreme activity; stress.

Экстремальная профессиональная деятельность сотрудников МЧС является одной из самых специфичных и обуславливается особенной целенаправленностью, как самого рабочего процесса, так и его социальной

значимостью. Основопологающим здесь является риск для жизни, что сопровождается высоким напряжением и дестабилизацией эмоционального состояния. В свою очередь именно уровень мужественности персонала является определяющим показателем обеспечения эффективной морально-психологической поддержки сотрудников. Поэтому на сегодняшний день особую актуальность приобретают не только анализ и оценка морально-психологического состояния сотрудников МЧС, но и разработка методов формирования их подлинной мужественности и мотивации поискового поведения.

Говоря о профессиональной деятельности спасателей МЧС России, следует учитывать высокое значение человеческого фактора, играющего главную роль в обеспечении необходимой готовности при решении возникающих служебных задач. Независимо от того происходит ли рабочий процесс в режиме повышенной готовности и ожидания, либо в условиях ликвидации последствий ЧС, он характеризуется высокой напряженностью, что предусматривает повышенные требования к индивидуально-психологическим особенностям личности работника, обеспечивающим стрессоустойчивость и эффективность деятельности в экстремальных ситуациях. Чрезвычайно сложный характер данной деятельности и значительные нервно-психические нагрузки приводят к возникновению негативного эмоционального состояния, обусловленного напряжением, посттравматическим стрессовым расстройством и эмоциональным выгоранием. В свою очередь это сказывается на уровне мужественности сотрудников МЧС, проявление которой определяется преодолением трудных жизненных ситуаций, которое обеспечивается мобилизацией личных ресурсов. Индивидуально-психологические особенности личности работников МЧС определяют и характер поискового поведения. Как следствие, эти факторы обуславливают актуальность практической значимости изучения ресурсов, способствующих сохранению психического и физического здоровья спасателей в экстремальных условиях их деятельности.

Формирование мужественности и вопросы поискового поведения рассматриваются в работах различных психологов, социологов, педагогов, экономистов и философов. Кроме того, вот уже несколько десятилетий, являясь важнейшей теоретической и практической задачей, находятся в центре пристального внимания, глубокого изучения и теоретического осмысления передовой военной науки.

Исторически определение мужественности (маскулинности) базировалось на естественных различиях между мужчинами и женщинами. В конце 19-го века на Западе развитие новой социальной концепции, подразумевающей равное участие в общественной жизни, как мужчин, так и женщин, дало новое определение понятию маскулинности. «Белые и обеспеченные мужчины, как группа, обладающая властной позицией и привилегиями в отношении к женщинам, цветным мужчинам и бедным мужчи-

нам, искали идеологию, законы и механизмы для поддержания своих преимуществ» [2, с. 7].

В целом понятие мужественность на протяжении своего становления рассматривалось как:

- распространенные в общественном сознании совокупных качеств личности и социальных представлений, приписываемых мужчинам;
- нормативный эталон и система предписаний и идеалов относительно понятия «настоящего» мужчины;
- совокупность отличительных психологических черт особенностей поведения, которые присущи мужчинам.

В свою очередь понятие мужественности раскрывалось через стереотипы массового сознания, существующих социальных норм и отличительных индивидуальных особенностей поведения мужчин.

Отечественными психологами исследование мужественности активно развивается только в последнее десятилетие, в основном опираясь на вопросы связанные с особенностями формирования мужской идентичности, спецификой мужских социальных ролей и поведения, а также внутриличностными конфликтами и возможными последствиями для психологического и физического здоровья мужчин.

Современный взгляд на понятие мужественности базируется на биолого-эволюционном подходе, в рамках которого рассуждения о половых различиях заключаются в теории о появлении двух отличающихся категорий людей. Первой свойственны выраженная агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструментальный подход к решению проблем, а второй – пассивность, стремление к сотрудничеству, эмоциональная зависимость и появление заботы. Как следствие, первой категории соответствуют биологические особи мужского пола, а второй – женского пола [1, с. 115].

Основываясь на этих рассуждениях можно сделать вывод, что мужчины приобретают более высокий статус в общественной жизни, чему способствует их предопределенные биологической принадлежностью к мужскому полу особенные отличительные качества. В свою очередь понятие мужественности заключается в определении того, чем мужчина должен быть и что ожидается от него.

В условиях экстремальной деятельности работников МЧС, обуславливающих высокую значимость роли человека в решении служебных задач и обеспечении высокой готовности, все более актуальным становится проведение мероприятия способствующих повышению мужественности сотрудников и их моральной устойчивости. В свою очередь, именно мужественность является определяющим фактором психофизиологического здоровья мужчин.

В. С. Ротенберг указывал, что основным компонентом поведения, определяющим устойчивость организма к разнообразным внешним воз-

действиям, является поисковая активность, направленная на изменение внешней ситуации или на изменение отношения человека к ситуации (ее пересмотр и переоценка) при отсутствии точного прогноза результатов такой активности [4, с. 97].

Независимо от результатов активности, сам процесс оказывает благоприятное влияние на повышение резистентности и стрессоустойчивости организма. По мнению В. С. Ротенберга, человек по своей природе обладает гибким поисковым поведением, соответствующим стремительно меняющемуся внешнему миру и социальным отношениям. В свою очередь, владение знаниями о результатах блокирует поисковую активность, тем самым преобразуя жизненный цикл в набор автоматических действий. Противоположным активности является отказ от поиска, что зачастую проявляется, как депрессивное состояние, переживание невротической тревоги и апатии, ощущение безнадежности и беспомощности, которые могут стать причиной возникновения различных заболеваний [3, с. 76].

Кроме негативного влияния на здоровье, отказ от поиска крайне отрицательно сказывается на результатах любой деятельности, имея способность парализовать поведение в целом, даже если ощущение безнадежности стало реакцией на какую-то определенную неудачу [5, с. 116].

Таким образом, можно сделать вывод, что поведенческие установки влияют, как на физическое здоровье, так и на психофизиологическое. В свою очередь поисковое поведение оказывает положительное воздействие, а хаотическое поведение и отказ от поиска – отрицательное.

На базе ФПС при ГУ МЧС России по г. Москвы было проведено исследование взаимосвязи между мужественностью и поведенческими установками у сотрудников МЧС. В исследование приняли участие 27 участников, мужского пола, в возрасте от 24 до 46 лет.

На этапе проведения эмпирического исследования, участникам выборки было предложено дать ответы на опросники «мужские нормативные установки» и «BASE», с целью определить соотношение мужских и поведенческих установок у каждого из исследуемых сотрудников.

Методика «Мужские нормативные установки» (англ. «The Male Attitude Norms Inventory») была разработана в 2005 году Р. Луйтом в качестве диагностического материала для выявления системы убеждения и установок по отношению к маскулинности и мужских ролей, побуждающей действовать в соответствии с ними избегая того, что этими установками не поощряется. Полученные результаты данной диагностики позволяют выявить респондентов, как разделяющих традиционные нормы маскулинности, так и не являющихся их приверженцами.

Методика BASE (англ. «Behavioral Attitudes and Search Evaluation»), была разработана В. С. Ротенбергом и А. Л. Венгером и предназначена для выявления поведенческих установок и оценки поисковой активности. Сведения о ее применении впервые были опубликованы в 1996 году, а в 2006

году в Современной гуманитарной академии А. Л. Венгером была создана ее компьютерная версия.

Для статистической обработки данных использовался метод линейной корреляции Пирсона для выявления корреляционной связи между шкалами мужских нормативных установок и типами поведенческих установок.

Результаты исследования показали, что наибольшему числу опрошенных работников характерен показатель мужественности «выше среднего» и «средний». И только единичный случай имеет показатель «низкий» уровень мужественности. Также только одному сотруднику соответствует «высокий» уровень. Такая ситуация подтверждает общепринятое мнение о том, что в МЧС работают «настоящие мужчины».

Результаты диагностики поведенческих установок и оценки поисковой активности у опрошенных работников МЧС показали, что у большинства респондентов выборки средняя степень выраженности всех поведенческих установок. Однако следует отметить, что по результатам диагностики наибольшему числу работников соответствуют показатели «хаотическое поведение» и «отказ от поиска», здесь отмечены самые высокие значения и нет ни одного низкого. В тоже время, самая низкая степень выраженности присутствует только по показателю «поисковая активность». Кроме того, по этому показателю нет ни одного высокого значения.

Результаты взаимосвязи мужских нормативных установок и поведенческих установок у сотрудников МЧС показали, что показатель мужественности коррелирует с хаотическим поведением, была установлена обратная корреляция при $p \leq 0,05$. Также выявлена прямая корреляция поисковой активности с одной из шкал мужских нормативных установок «ориентация на достижения и высокий статус», при $p \leq 0,10$. Тенденция к значимости выявлена между мужественностью и поисковой активностью, а также между шкалой гомофобия и стереотипным поведением.

Полученные результаты взаимосвязи мужественности и поискового поведения подтверждают выдвигаемую гипотезу о том, что взаимосвязь между мужественностью и поведенческими установками существует. Кроме того, исследование показало, что высокий уровень ориентации на достижения у сотрудников МЧС определяет высокую поисковую активность. Однако данная взаимосвязь довольно слабая и не подтверждается обратной, поскольку полученные данные никак не отразили взаимосвязь мужественности и отказа от поиска.

Поэтому невозможно точно утверждать, что высокие показатели мужественности у сотрудников МЧС определяют высокий уровень их поисковой активности. Для полного подтверждения этой гипотезы необходима более широкая выборка испытуемых.

Также данная выборка не позволяет подтвердить взаимосвязь мужественности и стереотипного поведения. На данный момент была выявлена

слабовыраженная связь, в которой высокие балы мужественности характеризуют увеличение стереотипного мышления у сотрудников МЧС.

Результаты проведенного исследования только частично подтвердили выдвигаемую гипотезу. Была выявлена существующая обратная взаимосвязь между мужественностью и хаотическим поведением. А именно – чем сильнее проявляется мужественность сотрудника МЧС, тем меньше его хаотическое поведение. Кроме того, существует прямая слабая взаимосвязь между ориентацией на достижения и высокий статус и поисковой активностью. В данном случае, чем сильнее у спасателя ориентация на достижения, тем выше его поисковая активность.

Частичное подтверждение гипотезы вызвано тем, что на валидность проводимого исследования могло повлиять применение только по одному варианту методик изучаемых характеристик. Следует также учитывать, что диагностика респондентов проводилась на их рабочем месте в присутствии лиц руководящего состава, поэтому можно предположить, что испытуемые могли исказить достоверность своих ответов, поскольку старались ответить «правильно». Кроме того, не маловажным является учитывать самочувствие каждого из испытуемых, поскольку исследование проходило в 4 этапа (4 смены пожарных в 4 разных дня), у каждой смены до этого была своя рабочая ночь, и кто-то из опрашиваемых спал и отдыхал, а кто-то заполнял опросник после выезда на пожар. Также полученные результаты исследования не позволяют говорить обо всех сотрудниках МЧС, поскольку само исследование проводилось только в одной пожарной части.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что для повышения его валидности необходимо увеличить выборку и выйти за рамки одной пожарной части, исследуя также спасателей МЧС, работающих в других сферах. Немало важным является создать для всех испытуемых одинаковые условия предшествующие исследованию и во время самого исследования. Кроме того, необходимо использовать и другие способы изучения мужественности, включая личные дела, журналы выездов, опрос руководства и коллег, другие методики, а также поведенческих установок, включая альтернативные методики, наблюдение за поведением в разных ситуациях, проведение эксперимента.

В целом, проведенное исследование дало результат и открыло поле для дальнейших новых исследований в этой области. Важным направлением дальнейшей работы является необходимость детального изучения обратной взаимосвязи хаотического поведения и мужественности. Поставленная цель достигнута, а результаты данного исследования могут стать отправной точкой для открытия новых граней в психологии служебной деятельности.

Библиографический список

1. Берд Ш., Жеребкин С. Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики. – СПб. : Алетейя, 2011г. – 235 с.
2. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках. – СПб.: Алетейя, 2011. – 137с.
3. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. – М. : Наука, 2012. – 193 с.
4. Ротенберг В. С., Бондаренко С. М. Мозг. Обучение. Здоровье. – М. : Просвещение, 2010. – 239 с.
5. Ротенберг В. С. «Образ Я» и поведение. – Иерусалим : Манахим, 2010. – 264 с.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МУЖЧИН МИГРАНТОВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

Л. Г. Дьякова

*Магистрант,
Российский государственный социальный
университет, г. Москва, Россия*

Summary. The analysis of studies devoted to the problem of personal qualities of male migrants. We consider the work of researchers on the study of the impact of migration on the psychological health of migrants. The role of the person of the migrant in the process of adaptation to the new conditions. The problem of studying the problem of personal qualities of male migrants in terms of male gender identity.

Keywords: migration; migrant men; adaptation; personality; gender identity.

Интерес к проблеме изученности личностных качеств мужчин мигрантов определяется, прежде всего, массовым характером процесса миграции в нашей стране в последние десятилетия. Согласно современному толковому словарю мигрант – это лицо совершающее миграцию [16]. Миграция от лат. *migrantis* – переселяющийся.

Появляются новые категории людей – беженцы и вынужденные переселенцы, трудовые мигранты. Все это ставит перед общественностью новую научную и практическую задачу. Мигранты, попадая в чужую страну, вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни, происходит процесс адаптации и аккультурации. В этой связи особую актуальность приобретает изучение особенностей личностных качеств мигрантов.

На сегодняшний день достаточно много исследований, касающихся проблем развития личности, но недостаточно работ касающихся личностных качеств мигрантов, в частности мужчин мигрантов. Разработка данного вопроса в теоретическом аспекте способствует решению актуальных для современной психологии проблем развития личности в особых, изменяющихся условиях. Практическая значимость же определяется использо-

ванием результатов исследования в просветительской, диагностической, реабилитационной работе.

Вопросами личностных качеств человека занимались известные ученые А. Г. Асмолов [1], Б. С. Братусь [2], Ф. Е. Василюк [4], В. К. Вилюнас [5], Б. Ф. Зейгарник [7], Д. А. Леонтьев [10], А. А. Реан [12] и др.

Большой вклад в исследование смысловой сферы личности был внесен А. Н. Леонтьевым [10]. Согласно его концепции личностного смысла, личность – это особая регуляторная система, которая обеспечивает подчинение жизнедеятельности личности устойчивой иерархизированной структуре его отношений с миром в противовес внешним стимулам и ситуативным импульсам.

Влияние миграции на психологическое здоровье мигрантов представлено в работах Г. У. Солдатовой [14], Л. А. Шайгеровой [17]. Миграция рассматривается авторами как причина «культурного шока», кризиса идентичности, травмирующее событие. Для успешной адаптации к новым условиям и реализации личностного потенциала, человеку необходимо справиться с психологическими проблемами.

Таким образом, в процессе адаптации к условиям жизни в новой стране большую роль играет сама личность мигранта, его психологические качества и особенности. В этой связи особый интерес представляет работы Н. Д. Султанова [15] и Н. Г. Терещенко [15], где были проведены эмпирические исследования комплексных психологических феноменов, таких как, смысложизненные ориентации, локус контроля и терпеливость мигрантов мужчин. Объектом исследования Н. Д. Султанова и Н. Г. Терещенко выступали люди зрелого возраста оказавшиеся в ситуации вынужденного переселения. В ходе исследования было установлено, что жизненные ситуации исследуемой группы характеризовались как критические, ситуации переживались эмоционально, в восприятии человека они представлялись как сложная психологическая проблема, требующая преодоления. Большинство мигрантов демонстрировали отсутствие целей на будущее, неудовлетворенность жизнью, неверие в свои силы и возможности. При этом для вынужденных переселенцев был характерен высокий уровень терпеливости, причем уровень терпеливости у мужчин ниже, чем у женщин. Результаты исследования Н. Д. Султанова и Н. Г. Терещенко показывают необходимость психологической работы с мигрантами, которая должна быть направлена на активацию внутренних ресурсов, способствующих обретению вынужденными переселенцами жизненного смысла [15, с. 288–292].

Другим исследователем С. В. Смирновой [13, с. 94–100] были изучены адаптационные механизмы личности трудовых мигрантов из Средней Азии. Автор исследования отмечает у трудовых мигрантов высокую ответственность в принятии решений, активность и выносливость при выполнении рабочих обязанностей, аккуратность. Были также отмечены отрица-

тельные стороны личности – отсутствие желания учиться, неумение ужиться в коллективе, хитрость, неискренность, бескомпромиссность.

Рассматривая вопрос изученности проблемы личностных качеств именно мужчин мигрантов, необходимо отметить специфику гендерной идентичности мужчин. Многие мужчины при любой возможности стараются подтвердить свою мужественность, самоутвердиться в традиционном качестве мужчины, остро переживают утрату отдельных признаков мужественности.

Подобные мужские переживания приводят к гендерно-ролевому стрессу, гендерной агрессии и гендерным конфликтам. Данная проблема была предметом изучения многих отечественных и зарубежных учёных. Среди них И. Кон [9, с. 562–605], Ш. Берн [3], Pleck J. H. [19], O'Neil [18] и др.

С этой точки зрения интересны работы Т. В. Калистратовой [8], где описывается опыт работы с мигрантами мужчинами. Автор акцентирует внимание на том, что для многих мужчин очень важно занимать доминирующее положение в семье и обществе. Им важно чувствовать себя защитниками, добытчиками своей семьи. Эта особая роль в семье накладывает на мужчин и особую ответственность за будущее родных и детей. В этом заключается одна из основных психологических проблем мужчин мигрантов, вынужденно покинувших свою родину. Утратив контроль над ситуацией, не имея привычных социальных, психологических, экономических и прочих возможностей, они испытывают проблемы самоопределения и самоактуализации.

Таким образом, у мужчин мигрантов существует внутренний конфликт между необходимостью и желанием выполнить как можно лучше роль главы дома, отца и мужа, и объективной трудностью или невозможностью это сделать. В современных психологических исследованиях подробно описаны механизмы разрешения внутренних конфликтов, основные приемы и техники психологической работы с людьми, страдающими от их наличия. Однако практически все они рассчитаны на «гибкие», не регламентированные жестко формы мужского и женского поведения.

Анализ данной проблемы показал, что существуют большое количество исследований личностных качеств человека. Но личностные качества мужчин мигрантов практически не изучены. Существует необходимость более широкого исследования и разработки психологических приемов и техник разрешения внутренних конфликтов мужчин мигрантов.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Психология личности : учебник. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 368 с.
2. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. – М. : Роспедагенство, 1994. – 60 с.
3. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 320 с.
4. Василюк Ф. Е. Методология психологии. Проблемы и перспективы. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 528 с.

5. Вилюнас В. К. Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2004. – 496 с.
6. Деркачев Л. В. Специфика гендерной идентичности мужчин // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 20. – С. 81–87.
7. Зейгарник Б. Ф. Теория личности Курта Левина. – М. : Книга по требованию, 2012. – 119 с.
8. Калистратова Т. Д. Учет гендерной и этнической специфики клиентов в консультационной работе с вынужденными мигрантами из Чечни // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – 2011. – № 2.
9. Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Ч. 1. – Харьков, СПб. : Алетейя, 2001. – С. 562–605.
10. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. – М. : Педагогика, 1983. – 772 с.
11. Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – № 2. – М. : Смысл, 2001.
12. Реан А. А. Психология личности. – СПб. : Питер, 2016. – 288 с.
13. Смирнова С. В. Особенности адаптации трудовых мигрантов из стран средней Азии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 42. – С. 94–100.
14. Солдатова Г. У. Новая специализация – психолог-консультант по работе с вынужденными мигрантами // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. – № 2.
15. Султанова Н. Д., Терещенко Н. Г. Особенности личности в условиях вынужденного переселения // Вестник Тамбовского университета. – 2008. – № 10. – С. 288–292.
16. Современный толковый словарь. – М. : Большая Советская Энциклопедия, 1997. – 6110 с.
17. Шайгерова Л. А. Кризис идентичности в ситуации вынужденной миграции // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. – № 2.
18. O'Neil, J. M., Good, G. E., & Holmes, S. (1995). Fifteen years of theory and research on men's gender role conflict: New paradigms for empirical research. In R. Levant and W. Pollack (Eds.), *Foundations for a new psychology of men*. – New York: Basic Books.
19. Pleck et al., 1993 Pleck, J. H. (1993). Are 'family-supportive' employer policies relevant to men? In J. C. Hood (Ed.), *Men, work, and family* (pp. 217–237). – Newbury Park, CA: Sage.

III. EDUCATION AS THE MEAN OF FORMING HARMONIOUS, SOCIALY SUCCESSFUL AND BENEFICIAL PERSON

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

З. М. Чомаева
С. З. Текеева
Ф. Р. Узденова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
магистранты,
Карачаево-Черкесский
государственный университет,
г. Карачаевск,
Республика Карачаево-Черкессия,
Россия*

Summary. The article discusses the role of the head of educational organization in the modernization of modern education. The problems facing the modern manager. The basic directions that require special attention manager.

Keywords: head; modernization of the education system; labor humanization.

Образование более 10 лет назад было объявлено приоритетным национальным проектом и главным тезисом было признание, что «Задача развития образования – задача государственной важности» [1]. На протяжении этого десятилетия модернизация образования является первоочередной государственной задачей, несмотря на сложности, испытываемые государством в настоящее время. И главным локомотивом, которому определена особая роль в решении этой задачи является руководитель образовательной организации.

Модернизация системы образования предполагает не только и не столько материально-техническую составляющую, сколько нововведения в содержании и формах организации образовательной деятельности. При этом предполагается диверсификация содержания через профильное образование и элективные курсы, а форм организации через разнообразие образовательных учреждений. При этом крайне важно, чтобы это модернизация касалась не только отдельных элементов системы, а имела комплексный характер. «Сегодня становится ясным, что современные педагогические инновации должны характеризоваться, прежде всего, продуктивностью и иметь гуманистическое направление» – отмечают участники образовательного процесса [1] На наш взгляд, о модернизации образования можно говорить, если внедряются не только отдельные образовательные

методики, технологии, но взят курс на новую образовательную модель в целом, основанную на гуманистической, лично ориентированной парадигме. И, на наш взгляд, определяющую роль в выборе образовательным учреждением траектории развития, соответствующей требованиям времени играет руководитель [3, с. 92].

При этом руководителю необходимо изменить подходы к управлению образовательной организацией. В современных условиях руководитель должен стать ее стратегическим лидером.

«Управление образовательным учреждением в современных условиях – сложный процесс, слагаемыми которого являются правильный выбор целей и задач управленческой деятельности» [2] Исходя из основных целей, определяются система планирования, формы взаимодействия обучающихся и педагогического коллектива, выбор наиболее эффективных способов повышения уровня обучения и воспитания, эффективный контроль.

Реализация этих аспектов деятельности напрямую зависит от желания и готовности руководителя организации и коллектива творчески использовать достижения науки и практического опыта, от характера сложившихся взаимоотношений в коллективе.

Личные качества руководителя, его общая эрудиция, уровень профессионализма, тактичность, организаторские способности в целом определяют имидж образовательного учреждения и эффективность деятельности коллектива.

Отдельно необходимо отметить проблему гуманизации труда, которому в последнее время уделяется особое внимание. Современный руководитель образовательного учреждения должен иметь большой запас оптимизма, быть внимательным к людям. «Руководителю простят любую строгость и даже ошибку, но не простят лицемерия, фальши, нравственной нечистоплотности» [1].

Руководителю необходимо обеспечить условия для нормальной, безопасной деятельности всех участников образовательного процесса, при этом в обязательном порядке должно соблюдаться законодательство РФ.

Другим обязательным требованием в современном управлении является ее демократизация. Но это не значит игнорирование дисциплины, важно сочетание единоначалия и коллегиальности в руководстве образовательным учреждением. При этом руководитель должен пристально следить за изменениями во внешней среде организации, определяя ее сильные и слабые стороны.

Таким образом, современному руководителю необходимо оптимально сочетать в своей работе педагогические и управленческие функции, учитывая требования времени, для обеспечения модернизации системы образования.

Библиографический список

1. Трубицина М. Н. Роль руководителя образовательного учреждения в реализации национальной образовательной инициативы // <http://www.edu-eao.ru/pedagogicheskij-vestnik-eao> дата доступа 8 октября 2016г.
2. Зуева Н. А. Роль руководителя в развитии образовательной организации в современных условиях // Образовательная среда сегодня: стратегии развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 мая 2016 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 2 (6). – С. 27–29.// <https://interactive-plus.ru/> дата доступа 9 октября 2016
3. Чомаева З. М. Салпагарова О. К. Административные проблемы инновационных способов управления кадрами в системе образования РФ.// Современное развитие науки: вопросы теории и практики // Сборник материалов II-ой междунар. науч.-практ. конф. (1 июля 2016 г.) – Москва, 2016. – С. 91–95.

IV. GOVERNMENT AS SOCIO-POLITICAL INSTITUTE: GENERAL AND SPECIFIC

ECONOMIC ASPECT OF SOCIAL PRODUCTION SPHERE

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. Economic relations of society assume sphere of material production and sphere of non-material production. In case of division of social labor into productive and unproductive classics of Marxism proceed from the following basic factors. First, categories of productive and unproductive work are historical categories, and, their specific content changes with change of public relations of production within which the labor activity is performed. Secondly, the specified categories express certain public relations of production. Productive work is work by means of which these relations are reproduced.

Keywords: socioeconomic relations; sphere of work; knowledge; material production; spiritual production.

Proceeding from the position that only public economic relations and conditions of reproduction, taken in a certain concrete historical framework, determine distinctions between productive and unproductive work, K. Marx speaks about high-quality distinctions between productive and unproductive work in case of various methods of production. The third factor integrally follows from first two, according to which functional features of a specific type of a labor activity can't be a starting point to refer this type to productive or unproductive work. Here we have such characteristic of work which follows not from its content (as a specific type of work) or its result, but from its certain public. Clarifying this idea, K. Marx directly specifies that material nature of this or that work and consequently its product, has nothing in common with this distinction between productive and unproductive work. Public relations of production, working conditions are substituted for real content of work and its results. Material nature of the product was never determining sign for reference of this or that type of specific work to productive work or unproductive work. The only criterion determining nature of work as productive or unproductive is the public form of work, its participation in reproduction of the certain public relations of production considering socio-political aspects [5, p. 139–144]. For this reason the sphere of application of work and material form of its results don't give the grounds for judgment of nature of the work applied in these spheres [16, p. 82–89].

Whether the labor activity in the field of science answers conditions under which it can be considered as productive? For clarification of this question we

will consider how specified factors allowing to draw distinction between categories of productive and unproductive work is applicable to work assessment in science as to the special sphere of social production. K. Marx and F. Engels specified that scientific activities represent specific mode of production - spiritual production which is a component of social production. As a part of social production spiritual production is in indissoluble connection with production of goods, promoting forming of cultural identity [14, p. 39–44], having significant effect on development of the personality in general [12, p. 282–284]. Certain historical forms, and, therefore, economic relations, developing concerning the specified types of social production, are adequate [1, p. 95–100], allow at various levels of social development to pay special attention to its valuable aspects [7, p. 113–117].

To study connection between spiritual and material production, first of all, it is necessary to consider this production of goods not as general category, but in a certain historical form, realizing «the ontologic nature of the bases of knowledge» [8, p. 33–36]. If we do not take production in its specific historical form, then it is impossible to understand characteristics of the spiritual production corresponding to it, its sociocultural features [4, p. 28–34], and their interactions.

If we concern labour inputs in production to be cost, therefore relations of communication between material and spiritual production must be cost as well, so in the spiritual production itself [6, p. 123–128].

According to the tasks facing the researcher and methods the latter can be divided into three main types: fundamental researches, applied researches and developments. The fundamental researches are researches which purpose is knowledge of the regularities of development of the nature and society hidden earlier [9, p. 17–20]. The purpose of applied researches, which is directly formulated at the initial stage, is to get practical resulting effect intended for application and use in any sphere of human activities [13, p. 102–107]. Developments are scientific works representing practical use of learned regularities for the purpose of creation of effective materials, devices, systems, methods and processes including designing, development of prototypes and testing of prototypes or mechanisms. According to F. Makhlop, distinction in a goal of basic and applied researches in the compressed, though a little exaggerated type can be expressed as follows: «The purpose of theoretical research is deep understanding of the physical or organic world, the purpose of applied research is the best products or the best method of their production» [15]. Unlike researches the purpose of developments is in bringing the best products or the best methods of their production to the stage of their industrial development.

Functioning of the sphere of spiritual production assumes production of knowledge in the form of scientific and technical information, that is in the form intended for exchange of the whole between separate parts of which there is an exchange of scientific and technical information [3, p. 14–17]. The product of work of one group of researchers or the whole branch of science becomes an ob-

ject of the labor for other groups of researchers or industries. This conclusion is also confirmed by the continuous process of differentiation of sciences representing process of deepening of public work specialization. For this reason a conclusion on the deep internal economic distinctions between fundamental and applied research and development consisting in various connections of these types of researches with relations of production is unjustified [10, p. 266–271]. «All forms of scientific research and in all branches of science participate in distribution and consumption of the public product and national income. Due to it relations of production get into the sphere of researches. Economic laws influence its development; leave a mark on human relations. For the basic theoretical researches in all branches of science, and in some of them for applied researches connection with relations of production is limited to it. These researches don't participate directly in creation of the national income. Exchange of their activities with other spheres of society can't be explained on the basis of economic laws. Their products can't be expressed directly in the rational economic form. Reproduction of material conditions in this sphere is indirectly subordinated to economic laws» [17, p. 15–27].

Use of the problem of ways and methods of increase in efficiency of the use of new scientific information in material production represents the independent section of economy [2, p. 16–27]. The factors influencing labor productivity in various areas of the sphere of non-material production differ only in the place in the system public work specialization, and, therefore, and in the system of productive relations. If products of basic researches are consumed mainly in this area, products of applied researches are consumed generally in the sphere of material production. Relations of production between specified two areas are similar to the relations developing between production of means of production and production of commodities in material production.

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95–100.
2. Бакланова О. А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа – региону : сборник научных статей. – Пятигорск, 2013. – С. 16–27.
3. Говердовская Е. В., Болховской А. Л. Информационная парадигма современного общества: социально-философский и педагогический обзор концепций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7-1. – С. 14–17.
4. Говердовская Е. В. Социокультурные и этнологические особенности региона – основа модернизации высшего образования на Северном Кавказе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2007. – № 7. – С. 28–34.
5. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. – № 9. – С. 139–144.

6. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
7. Камалова О. Н. Развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 113–117.
8. Камалова О. Н. Особенности понимания интуиции в философии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 1. – С. 33–36.
9. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 17–20.
10. Колосова О. Ю. Трансформационные социальные процессы в контексте глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 266–271.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – №7-2 (46). – С. 282–284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
13. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
14. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. – М. : Прогресс, 1966. – 462 с.
15. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89.
16. Николаев А. Б. Наука в системе общественных отношений // Вопросы философии. – 1967. – № 2. – С. 15–27.

CIVIL SOCIETY: GLOBALIZATION ASPECT OF DEVELOPMENT

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor
Stavropol branch of Krasnodar University
of Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. Economic, engineering, political and social procedures in the modern world are in many respects determined by global transformations, their orientation, intensity and speed. All this difficult complex of changes is often designated by the word «globalization».

Keywords: globalization; society; national statehood; global society; global capitalism.

Globalization acceptance as a natural law, social and economic inevitability during evolution of mankind leads to decrease in socio-political activity of citizens [7, p. 139–144]. Forming of civil society in a separately taken country comes in specific cultural and historical and social and economic conditions, and

to some extent is unique [11, p. 282–284]. Certainly that there are invariants of civil activities, but they don't determine tactical actions of groups and individuals. Process of creation of global civil society is much more complex, as it is required to synchronize actions of culturally and historically differing public associations [4, p. 28–34]. It is, perhaps, one of the essential causes owing to which global civil society is rather a project, than reality. Nevertheless, due to continuous planetary circulation of financial flows, technologies, goods, ideas (including political), cultural stereotypes, and to existence of one global information space, principles, values and methods of social activity of citizens are gradually unified [2, p. 16–27]. It is a major step in the direction of creation of global society with its own problems, regulations and practitioners.

Modern society is a result of thousand-years cultural and historical, social and economic processes [8, p. 123–128]. One of the urgent problems of the research of the phenomenon of civil society is studying of its transformations in the conditions of the globalized world. Here it is necessary to proceed from historicity of any social, political, cultural phenomenon [10, p. 33–36], namely civil society. It is necessary to study semantic concepts of the term “civil society” and historical institutionalization of the concept “civil society”. It is obvious that society (including civil society) constantly evolves [1, p. 95–100]. Methodological and conceptual tools of its analysis are also changed. It should be noted that civil society represents an integral part of modern society. In this regard it is necessary to describe the conditions and factors influencing globalization of civil society.

As the most significant factor we will allocate influence of information technologies on forming communicative practitioner of the civil society. For understanding of perspective strategy and practitioner it is necessary to place civil society on the global scale. The main problem consists in determination of the ratio of positive potential of global civil society and risks of its further expansion. Another urgent problem is revealing of balance between internal self-organization of civil associations and external manipulative actions in relation to individuals and public organizations. It is important to allocate prospects of expansion of global civil society, establishment of opportunities of transition to the authority of the non-state organizations as alternative legitimate form of social power [5, p. 106–110]. For successful statement of this problem it is necessary to solve several tasks. That is, to show historical, socio-political status of civil society and its rootedness in cultural tradition [9, p. 113–117]. Then to consider a role of social networks as infrastructure components of information society as these networks are not only technological tool, but also they allow to develop communicative potential of promotion of the idea of civil society and democracy [3, p. 14–17]. It is also necessary to disclose specifics of creation of global civil society itself. The research purpose of phenomenon of global civil society in the conditions of the digital era consists in studying of methods of manifestation of civil activism. It is also necessary to study possibilities of creation of competent, effective, legitimate and influential global civil society and to show

how in the conditions of globalization fading of national statehood takes place [14, p. 82–89].

The most important direction of studying of institutes of civil society is a research of globalized information environment and network activity as main determinant of forming of global civil society. Productive interaction between civil associations and the state (officials representing government power structures) can be provided due to social activism and legitimacy of civil activities.

Civil society as a term, a concept, an idea, a political strategy construct and a socio-political phenomenon is studied by political science, economic theory, jurisprudence, social theory and social philosophy. For effective studying of global civil society many authors specify basic objective features of this multi-dimensional subject [12, p. 102–107]. Uneven distribution in historical time of active citizens' initiatives is noted, contradictory theoretical reflections concerning social legal status of civil associations are analyzed.

The research of tendencies of development of the idea of global civil society assumes studying of conditions and vectors of globalization. It is also necessary to find out the prospects of evolution of civil society in the direction to global civil society. For this purpose it is necessary to allocate socio-political parameters of global civil society, to determine specifics of minimization of national statehood and to characterize features of forming of positive state law. It is necessary to perform the historical analysis of the phenomenon of civil society, to consider alternatives of its identification and to understand the place in the globalized society penetrated by intensive information flows [6, p. 21–24]. There is one more question of controllability of socio-political processes and socio-cultural processes [13, p. 39–44]. Here it is necessary to consider multiple-level system of the globalized world. As regulatives of relations between civil society and the state the following tools can be used: the analysis of interstate connections, methods of application of international law, monitoring of work of the supranational institutes, transnational civil social movements (reflecting interests of free autonomous persons).

Nevertheless, they stand for a specification and more exact understanding of some current trends of democratization on the global scale. There are various interpretations of globalization, civil society and global civil society. The range of these interpretations is very wide. Antiglobalistic protest actions and activities directed against multinational corporations are often referred to phenomenal survival of global civil society. In both cases a contractor of global civil society is global capitalism. Another point of view is that global civil society is determined, first of all, by infrastructure which provides growth of democracy in non-democratic societies. It assumes increase in number of professional associations, consumer organizations and other non-state, non-commercial groups which create interstate connections.

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 3-1. – С. 95–100.
2. Бакланова О. А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа – региону : сборник научных статей. – Пятигорск, 2013. – С. 16–27.
3. Говердовская Е. В., Болховской А. Л. Информационная парадигма современного общества: социально-философский и педагогический обзор концепций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7-1. – С. 14–17.
4. Говердовская Е. В. Социокультурные и этнологические особенности региона – основа модернизации высшего образования на Северном Кавказе // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2007. – № 7. – С. 28–34.
5. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 106–110.
6. Гончаров В. Н. Информационная потребность в обществе: социокультурный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 21–24.
7. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 139–144.
8. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
9. Камалова О. Н. Развитие представлений об интуиции в русской философии конца XIX – начала XX в // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 113–117.
10. Камалова О. Н. Особенности понимания интуиции в философии С. Л. Франка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 1. – С. 33–36.
11. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
13. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
14. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89.

THE RECONSTRUCTION PROCESS AND STATE DEVELOPMENT IN AFGHANISTAN: ACHIEVEMENTS VS. CONTRADICTIONS

R. R. Rashidov

*Senior scientific researcher,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article analyzes the reconstruction process in Afghanistan, which began after the events of September 2001. Reconstruction of the country, of course, is a key part of the whole process of formation of the modern state in Afghanistan. The international community, led by the United States has made great efforts to restore the activity of state structures and socio-economic infrastructure of the country. But despite such efforts, currently remains sufficient problems that slow down the process of reconstruction and development of such events in the future, may negate all the work done for about 15 years.

Keywords: reconstruction; Afghanistan National Development Strategy (ANDS); poverty reduction; “reinter state”; donors.

Afghanistan emerged in late 2001 as a state that was devastated without many parallels in the modern history. The extent of destruction of the country’s physical, institutional, human and social capital left Afghanistan and its international partners with a monumental task to build a pluralist state governed by the rule of law, in which all Afghans have the opportunity to live in peace with dignity, to reach their economic potential, to access basic public services and to participate fully as equal citizens. Insecurity, poverty, corruption and the expanding narcotics industry signify that the challenges facing Afghanistan have not much changed in nature and magnitude. The Afghan people will remain handicapped in discovering their full human potential unless a better balance is struck between development, security and political strategies which will focus on the development of their country.

Economically speaking, Afghanistan is a weak state. The 2011 Ease of Doing Business Report by the World Bank ranked Afghanistan one of the most difficult countries (167 out of 183) in which to do business.

Despite apparent mega-urbanization trends, Afghanistan remains a rural and patrimonial society with a largely agricultural economy [7, p. 8]. Agriculture (35 per cent of Gross Domestic Product – GDP) is the most important sector of the economy, as the majority of the population is dependent on crops [1]. Agriculture employs 60–80 per cent of the Afghan workforce. Afghanistan imports most consumer goods and nearly 75 per cent of its fuel and electricity. Afghanistan exports primarily raw materials (unprocessed agricultural products) and carpets. Afghanistan suffers from a lack of skilled labour, stemming in part from a literacy rate of 28 per cent. Further, 36 per cent of the population lives on less than \$25 a month [9, p. 94].

According to the World Bank, 97 % of Afghan GDP is supported by foreign aid, while 42 % of the Afghan population is living below the poverty

line. Afghanistan has received approximately \$60 billion of official development assistance from the International Community since 2001. But due to a variety of reasons including corruption at all levels of the Afghan government and fiscal mismanagement, Afghanistan has not developed a sustainable domestic economy [10, p. 1].

The World Bank web site reported that the Afghan economy experienced about 9.2 % growth rate of GDP during 2003–2012 and this growth accelerated during 2013 to 11.8 % [2].

However, GDP per capita increased from \$370 in 2008 to \$679 in 2013. Inflation slowed considerably from a high of 26.8 % in 2008 to 7.4 % in 2013. As a result of the political and security uncertainties, private investment dropped to 4.2 % of GDP in 2013 from 4.9 % in 2012. The poverty rate remains high at about 36 % of the population. The rural poverty rate is 37.7 %, compared with 29.0 % for urban populations.

With Afghanistan's turn to the market economy, the private sector is considered the engine for growth. At the heart of the private sector are small and medium enterprises (SMEs). SMEs make up about 80 per cent of Afghan businesses, half the country's GDP, and employ more than 1/3 of the labour force. Despite having such an important role in the economy, the development of SMEs has not been prioritized until recently, and the sector faces significant challenges.

Afghanistan did not have a clear SME strategy during the first eight years after the US invasion. A strategy was finalized in 2009 but its implementation and oversight did not begin until 2011, when the SME Directorate was formed within the Ministry of Commerce and Industry.

To meet the country's many challenges and realize the aspirations of the Afghan people, the five-years Afghanistan National Development Strategy (ANDS) has been prepared after two years of analysis and priority setting, drawing on extensive national and sub-national consultations. As an Afghan-owned blueprint for progress in all spheres of national life, the ANDS is a Millennium Development Goals-based plan that will serve as the country's Poverty Reduction Strategy Paper. Fundamental to its successful implementation is the need to invest in critical national capacities, such as education, energy, irrigation, and agriculture, as well as to promote reconciliation, justice and alternative livelihoods. Besides providing a detailed, budgeted strategy for advancing the Government of Afghanistan and the international community's Afghanistan Compact goals, the ANDS is a roadmap for the long-desired objective of 'Afghanization' and the transition towards stability, self-sustaining growth and human development.

A prominent feature of Afghanistan's post-Taliban reconstruction and development is the international donor conferences [6, p. 2]. Since the overthrow of the Taliban regime in 2001, reconstruction has been taking place in Afghani-

stan through a political process based on the Bonn Agreement, which was signed in December 2001 with the support of the international community.

On December 22, 2001 in Bonn United Nations (UN) organized a donor conference in which the interim government presented its reconstruction plans and country representatives and international Non-Governmental organizations (NGOs) made pledges in order to show international support for those plans. Following to this, in 2002 Tokyo Conference, co-hosted by Japan, the United States, the European Union, and Saudi Arabia, was convened in Tokyo to discuss aid to Afghanistan. Donors pledged \$4.5 billion.

While two years later at the Berlin Conference, which brought together 65 representatives from countries and international organizations to focus on reconstruction in Afghanistan, pledges exceeded \$8.2 billion.

On February 1, 2006 at the conference in London, Afghanistan and the international community signed the Compact that outlined the principles of their cooperation over the next 5 years. Donors pledged \$10.5 billion [4, p. 11–12].

At the Tokyo conference on July 8, 2012 in order to help address the budget shortfall, the International Community committed to directing financial support towards Afghanistan's economic development through the Transformation Decade. In this context, in the initial stage of the Transformation Decade, the International Community committed to providing over \$16 billion through 2015, and sustaining support, through 2017, at or near levels of the past decade to respond to the fiscal gap as estimated by the World Bank and the Afghan Government.

The participants London conference, which was held on 4 December, 2014 welcomed the Afghan Government's plans to enhance productivity, increase its domestic revenue mobilisation, to attract more private sector investment, and stimulate growth and employment opportunities. Over time this approach will reduce Afghanistan's dependence on external support. The International Community reaffirmed its Tokyo commitment of providing \$16 billion through 2015, and sustaining support, through 2017, at or near the levels of the past decade.

In absolute terms, the US is by far the largest donor, contributing one-third of all aid since 2001. Other major donors are: Japan, the United Kingdom and Germany. The role of neighbouring countries is also huge.

As of September 30, 2014, the US had appropriated \$104.1 billion for the relief and reconstruction of Afghanistan, with the FY2015 budget request raising that total to \$109.9 billion. The majority of these funds (\$66 billion) have been administered by the Department of Defence, with other amounts funnelled through USAID (\$18 billion), and, less significantly, through The State Department and other or multiple agencies. An additional \$10.1 billion has been paid out to Afghanistan through two international trust funds to which the US is the primary donor. A total of \$7.7 billion has been paid by the US directly to Afghan government agencies or through these trust funds. \$66 billion – or approx-

imately 70 per cent of total US funds – has gone to support the Afghan military and police, including policing and combatting the narcotics trade. The remaining 30 per cent has been spent on projects related to governance and development and more immediate humanitarian assistance [3, p. 2–3].

In addition to the results achieved a number of problems that have a negative impact in the recovery process as a whole.

Some political scientists, legal scholars, and economic analysts argue that for a state that lacks sovereignty over its territory and political legitimacy, economic development is impossible. But he argues that despite the above-mentioned challenges, including legal ones, it may become possible if the government possesses administrative capacities to implement coherent policies. A sound and effective relationship between governance and economic development is essential for the future of any country, especially Afghanistan.

A significant proportion of the dollars spent have been routed through and benefited American and other nations' companies rather than paying Afghan companies or government workers, and they have in many cases had consequences such as increasing levels of corruption, resourcing strongmen, arming human rights abusers, and creating political instability, among other processes[3, p. 2–3]. Moreover, over two-thirds of all aid bypasses the Afghan government. An estimated 40% of aid goes back to donor countries in corporate profits and consultant salaries.

Dr. Astri Suhrke, Norway political scientist, argues that enormous flows of foreign assistance fuelled “spectacular” levels of corruption and created a “re-inter state”, which in practice was more responsible to external donors than to its own people – contrary to the goal of strengthening Afghan democracy. Responding to such problems by further expanding international assistance served to amplify, not remedy, the problems[8, p. 2].

According to A. Mohmand, distinguished afghan scientific, in our days, Afghanistan has a service economy concentrated on cosmetic projects mainly driven by the donor community. It lacks a long-term strategy, which can bring economic peace and tranquility. Nearly forty years of war and conflict have destroyed the minimal economic infrastructure and institutions this country once possessed. In the past 10 years, no efforts have been made to either reinstate the economic structure of the past, or to develop new ones that can help build a modern state and developed economy. Instead, energy is wasted on projects and activities in the name of privatization and the free market, which have brought more harm than benefit to the country and the economy.

A. Mohmand states that the donor-driven economy has not helped the economic and social infrastructure of Afghanistan and the development process remains ineffective. Furthermore, it has created an unequal economic power relationship between the small economic and political elite and the average Afghan. This has also created extreme conditions of exploitation, where the small ruling elite is able to make gains at the expense of the majority. The free market

approach, which has been implemented in Afghanistan, is not succeeding in Afghanistan and the Afghan economy is not able to provide the security people require [5, p. 1–2].

In Afghanistan, overdependence can create more autocratic states, more corruption and more poverty, slow down the economy and even increase conflicts. Importantly, it could have a corrosive effect on the social contract between the state and citizenry, which is critically important in Afghanistan.

National rejuvenation of Afghanistan can be achieved by the help of profound reforms in economic sphere in conjunction with legal one. To develop the economy and improve the social strata of the Afghan people, the quality of the government of Afghanistan becomes the necessary element of economic development. Economic growth requires sustainable economic development strategy and planning. This is only possible if the government and the decision-makers possess legitimacy and capacity, and the country is governed by rule of law and security. The government sets up rules and characteristics, which are necessary to assure the functioning of the political and economic system.

Afghanistan's long-term economic growth will depend on the development of productive sectors, notably mining and agriculture. Reduction of violence cannot be the measure of progress. Creating enabling environment for a stable political and economic system will indicate a national wide success. Neither number of troops nor amount of money will decide Afghanistan's future. Unless an important foundation for sustainable economic development is laid, Afghanistan will not be able to secure own true sovereignty. Afghanistan possesses abilities to develop its economy mainly through the mining sector. Natural resources can become an engine of industrial and economic progress and elevate people's living standards.

Unfortunately, even nowadays, Afghanistan has an apparent feature of "renter" state, which characterizes its dependence on foreign forces and funding as well. National actors still implement alien powers for political, financial and military support against rivals.

Prosperity of the country fully hinges on the political will of the ruling elite and willingness of the international community to change those aspects of their practices that have proven as counterproductive and ineffective. The coordination of interests is extremely important and at the same time daunting task. The Afghan case highlights the critical significance of triangular relationship between international, national and societal actors in reconstruction. All involved sides ought to assume responsibilities.

Bibliography

1. Afghanistan GDP Annual Growth Rate 2003-2015.
<http://www.tradingeconomics.com/afghanistan/gdp-growth-annual>
2. Afghanistan: Economy. Asian Development Bank.
<http://www.adb.org/countries/afghanistan/economy>

3. Lutz, C., Desai, S. US reconstruction aid for Afghanistan: The dollars and sense. – New York: Watson Institute for International Studies, 2015.
4. Margesson R. United Nations Assistance Mission in Afghanistan: Background and policy issues. – Washington D.C. : Congressional Research Service (CRS), 2007.
5. Mohmand A. The prospects for economic development in Afghanistan. – Salt Lake City, USA: University of Utah, 2012.
6. Mychajlyszyan N. Afghanistan: Reconstruction and development. – Ottawa, Canada : Parliamentary Information and Research Service, 2007.
7. Nijat A. Governance in Afghanistan. – Kabul : Afghanistan Research and Evaluation Unit, 2014.
8. Paris R. Afghanistan: What went wrong? – Los Angeles: American Political Science Association. Perspectives on politics, 2013.
9. Progress toward security and stability in Afghanistan. – Washington, D.C.: US Department of Defence, 2014
10. Sarwary A. Opportunities for economic growth in Afghanistan. – Kabul : Centre for Peace and Conflict Studies, 2012.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ¹

Н. Н. Розанова

*Кандидат педагогических наук,
доцент,
Смоленский государственный
университет,
г. Смоленск, Россия*

Summary. The article presents the author's approach to classification of reputation power. Among the main criteria identified as follows: a ratio and combination of structural elements of reputation; the degree of focus of activity on formation of goodwill; a sign of the direction of public opinion in his pursuit of the ideal. The classification issues are discussed in the context of a deeper understanding of the challenges of purposeful reputation management authorities.

Keywords: reputation of the power; classification; real, positive, due reputation.

Становление демократии в современной России актуализирует задачу построения партнерской модели взаимодействия между властью и населением, упрочения политического и гражданского согласия в обществе. Развитие партнерства связано с реализацией социальной идеи единства интересов – добровольного сотрудничества всех общественных групп во имя социального мира и порядка как основы прогресса и процветания общества. Социальное партнерство является новым рыночным механизмом человеческой консолидации, достижения общественного согласия в долгосрочной перспективе [6, с. 46–51].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а.

В социально-политическом пространстве это обуславливает сложную проблему достижения компромиссных отношений между различными политическими акторами. Общественность вознаграждает властно-управленческие структуры за полученные выгоды от существующей системы управления тем, что оказывает политическую поддержку институционализированным социальным нормам и ценностям. Власть, в свою очередь, на основе общественного доверия и ценностного консенсуса организует и укрепляет социальный порядок. Наоборот, в случае неполучения того, что люди предполагали, у них развивается недовольство против существующих властно-управленческих структур. Специалисты отмечают, что, в массовом сознании нередко складывается негативный стереотип восприятия власти, особенно на региональном уровне, связанный с низким уровнем доверия к ней [см., напр., 1;7].

Таким образом, разрешение противоречия при достижении партнерства между различными политическими акторами, должно быть связано с формированием отношений доверия, что, в свою очередь, сопряжено с категорией репутации. Исследователи отмечают, что наличие положительной репутации субъекта в сознании целевых групп способствует переходу от знания к доверию, то есть прогнозированию политико-культурного поведения в желательном ключе внутри социально-политического пространства. Предсказуемость поведения, надежность в сотрудничестве, устойчивость ожидаемых характеристик во времени, являющиеся компонентами положительной репутации, в конечном счете, есть важная часть механизма принятия внешне- и внутривластных и экономических решений.

Для региона это означает наличие дополнительного конкурентного преимущества при решении тех или иных конъюнктурных вопросов: продвижении политико-экономических и социальных интересов, привлечении капитала и ресурсов для региональных программ, установлении трансграничного экономического и гуманитарного сотрудничества и др. [3, с. 167]. Вопрос репутации имеет часто ключевое значение для принятия того или иного экономического или политического решения [4, с. 69].

Региональную власть наличие позитивной репутации наделяет дополнительными социально значимыми преимуществами. К таким преимуществам можно отнести: разделение населением реализуемой в регионе государственной политики; высокий потенциал конструктивного сотрудничества власти и общества; инициативность и активность населения, его заинтересованное участие в поиске перспективных направлений регионального развития; высокую избирательную активность населения; устойчивость положения власти; способность к более адекватной, взвешенной реакции на антикризисные меры власти и др.

Изучение репутации власти на региональном уровне на примере Смоленской области в рамках реализации научно-исследовательских про-

ектов РГНФ¹ позволило выявить сущностное понимание репутации власти, ее содержательные характеристики, провести оценку репутации как населением, так и представителями самой власти – государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области². На основе результатов социологического исследования и с учетом различных научно-исследовательских подходов к проблеме репутации [см. 3–5; 8–11 и др.], было дано следующее определение категории «репутация (региональной) власти», единое в принципиальных моментах, как для самой власти, так и для населения.

Репутация (региональной) власти – это совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рационально осознанных оценочных мнений людей о власти, формируемых в значительной степени на основе опыта прямого и / или косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни.

В рамках данной статьи рассмотрим классификацию репутации власти, которая представляется важной с точки зрения более глубокого понимания вопросов целенаправленного управления ею.

Остановимся сначала на структуре репутации, поскольку в дальнейшем на основе ее структурных составляющих определяются критерии классификации.

Структура репутации власти.

Исходя из сущности и особенностей формирования, репутация включает две составляющих:

✓ имиджевая (фактически соответствует имиджу власти) – преимущественно эмоциональная, формируемая средствами массовой коммуникации (СМК), также большую роль могут играть слухи, бытовая информация; по крайней мере, их воздействия достаточно для создания эмоционального образа власти;

✓ сущностная составляющая репутации (собственно репутация) – преимущественно рациональная, оценочная, формируемая на основе не только информации СМИ о власти, но и обязательно на основе опыта прямого/косвенного взаимодействия с властью.

¹ Гранты РГНФ: «Оценка репутации региональной власти», проект № 11-12-67007 а/Ц, 2011–2012 гг.; «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» № 14-03-00549 а, 2014–2015 гг.).

² Анкетные опросы по изучению репутации региональной власти жителями г. Смоленска и районов Смоленской области (январь 2014 г., 305 респондентов; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по полу, возрасту, территории проживания); государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти Смоленской области (июнь 2014 г., 127 респондентов, что составляет 10% от общего числа служащих; выборка многоступенчатая, гнездовая, квотированная по категориям должностей государственной гражданской службы).

Исходя из методов изучения, в структуре репутации можно также выделить две составляющих:

✓ субъективная – представляет собой мнение населения о власти (социологические методы);

✓ объективная – основана на качественных характеристиках власти, реальных показателях деятельности, свидетельствующих о ее результативности (статистические, методы экономического анализа).

Классификация репутации власти.

I. Первый критерий соотношения и сочетания структурных элементов репутации, представленных выше, определяет следующие ее виды.

1. Поверхностная, или имиджевая, репутация (преобладание имиджевой составляющей) и глубинная репутация – собственно репутация (наличие и имиджевой, и сущностной составляющей при преобладании последней).

Источником формирования поверхностной репутации является информация о власти, полученная из СМИ, общее представление о развитии региона, деятельности власти, мнения других людей и т. п. Также поверхностную репутацию можно назвать асимметричной.

Глубинная репутация основана на прямом и/или косвенном опыте взаимодействия с властью. Под косвенным опытом понимается весь комплекс источников формирования репутации (опыт друзей, родственников, коллег; СМИ; слухи, бытовая информация; знания – общее представление и др.). Но, в отличие от поверхностной репутации, информация, полученная из этих источников, имеет разносторонний характер, критически осмысливается, проверяется и перерабатывается субъектом, исходя из его заинтересованности в получении максимально объективной информации. Глубинная репутация является симметричной, или сбалансированной.

2. Реальная (адекватная) и неадекватная репутация определена соотношением субъективной и объективной составляющих.

Реальная репутация власти формируется в случае их единства, когда мнение населения основано на знании объективных показателей деятельности власти и является результатом взвешенной разносторонней оценки. Высокий уровень политической культуры населения, его активная гражданская позиция являются необходимым условием формирования реальной репутации. Реальная репутация является, по сути своей, глубинной.

Неадекватная репутация формируется как результат общего представления о деятельности власти. Население не интересуется работой власти, практически ничего не знает о ее деятельности; происходит разделение существующих «бытовых» стереотипов о власти. При формировании неадекватной репутации у населения ее объективная составляющая отсутствует или слабо выражена. Таким образом, неадекватная репутация становится близка к имиджу власти и совпадает с имиджевой репутацией.

II. В зависимости от носителя мнения о репутации можно выделить личностную и общепризнанную репутации.

Личностная отражает персональное мнение субъекта о репутации власти, общепризнанная – мнение большинства (в случае формирования репутации региональной власти – преобладающее совокупное мнение населения региона или мнение какой-то целевой группы, например, представителей бизнеса). Желательно, чтобы данные виды репутации власти принципиально совпадали, иначе репутация, в ущерб своей целостности, будет носить противоречивый, мозаичный характер.

III. В зависимости от степени целенаправленности деятельности по формированию репутации выделяются конструируемая (формируемая целенаправленно) и стихийная (складывающаяся самостоятельно) репутации власти.

IV. По характеру (знаку) направленности общественного мнения в его стремлении к идеалу – позитивная, негативная и должная (идеальная) репутация.

Позитивная репутация власти отражает положительную оценку населением деятельности власти, негативная, соответственно, отрицательную. Позитивную или негативную направленность может иметь любой из вышеперечисленных видов репутации.

Наличие у власти позитивной репутации свидетельствует о накоплении репутационного капитала, под которым мы понимаем совокупность ценностных характеристик власти, приобретенных ею благодаря наличию позитивной репутации у населения и наделяющих власть дополнительными социально значимыми преимуществами.

Развитие реальной позитивной репутации власти выводит ее на качественно новый уровень должной репутации, которая воплощает смысл, предназначение власти в обществе.

Должная репутация власти – репутация, отражающая высокую, отвечающую современным актуальным социальным запросам степень соответствия власти потребностям, интересам, ценностям общества и личности. То есть должная репутация показывает максимальный уровень «сближения» действий власти с объективными тенденциями, закономерностями и формами общественной жизнедеятельности; свидетельствует о том, насколько эффективно политика органов власти воплотилась в реальную жизнь, в сознание, поведение и деятельность людей, в состояние управляемых объектов. Должная репутация выступает в качестве своего рода идеального ориентира формирования репутации власти, поэтому и может быть также определена как идеальная репутация; должная репутация является наивысшим качественным уровнем репутации власти.

Итак, в процессе формирования ценностного пространства российской власти репутация власти последовательно трансформируется из реальной и позитивной в должную. При этом, естественно, должен быть

обеспечен переход на соответствующий качественный уровень репутации в рамках вида. Так, например, если репутация неадекватная, то необходима целенаправленная деятельность по переводу ее в реальную.

Таким образом, классификация репутации власти позволяет углубить понимание вопросов улучшения репутации, определенных необходимостью высокого уровня внутривластного доверия как основы для консолидации усилий государства и общества, совместного преодоления кризисных явлений в различных сферах социально-экономического и политического развития страны актуализированной современными условиями непростой международной обстановки, нарастания внешнеполитических угроз.

Библиографический список

1. Багина А. Ю. Имидж политических институтов в современной России: Концептуальные модели, методы исследований и технологии продвижения: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 214 с.
2. Важенина И. С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2008. – 41 с.
3. Варламова И. В. Имидж региона как репутационный капитал // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С. 167–172.
4. Гранкин Н. Е. Политический имидж, репутационный капитал современной России: теоретико-концептуальные подходы // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 1(6). – С. 64–69.
5. Дзялошинский И. М. Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда // PR-Линия. – 2008. – № 2. – С. 6–8.
6. Капитонов Э. А. Управление общественными отношениями: учебное пособие. – М.; Ростов н/Д; Дашков и К': Наука-Пресс, 2009. – 368 с.
7. Князев Д. В. Социально-управленческие механизмы формирования доверия населения к институтам государственной власти: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2009. – 26 с.
8. Коган Е. В. Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2013. – 25 с.
9. Трубецкой А. Ю. Категория репутации в социально-политической коммуникации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 47 с.
10. Устинова Н. В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. – 18 с.
11. Харламов И. Г. Управление формированием репутационного капитала // Власть. 2008. – № 11. – С. 89–92.

V. LAW AS REGULATOR OF PUBLIC RELATIONS: HISTORY, MODERN TIMES, TENDENCIES OF DEVELOPMENT

ИЗ ИСТОРИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КАБАРДЕ

М. В. Абазова

*Кандидат экономических наук,
Кабардино-Балкарский государственный
аграрный университет
имени В. М. Кокова,
г. Нальчик,
Республика Кабардино-Балкария, Россия*

Summary. The question of legal proceedings has great scientific value. His study will enable a better understanding of the complex processes taking place in the political life Kabardians at the end of XVIII-XIX centuries. After over 80 years in Kabarda had five judicial institutions (courts and tribal violence, mehkeme, Temporary Kabardian Court, Kabardian District Court, and verbal Court of Nalchik District).

Keywords: court; law; sharia; feudal lords; peasants; clergy.

Административная и судебная власть до конца XVIII века в Кабарде принадлежала князьям. Подобное положение не соответствовало интересам монархии. Поэтому, начиная с конца XVIII века, правительство империи делает серьёзные попытки, направленные на то, чтобы управление Кабардой сосредоточить в руках своих чиновников. Прежде всего было введено приставство. Кабардинские князья и дворяне отныне были обязаны свои действия согласовывать с назначенным правительством приставом, который осуществлял контроль за их деятельностью. Затем кавказская администрация решила преобразовать судопроизводство. Главная цель этого мероприятия состояла в том, чтобы постепенно, прибрав к своим рукам основные рычаги управления краем, ослабить влияние местной феодальной верхушки и прочно укрепить свою колониальную позицию. Такова была основная задача судебной реформы, к проведению которой правительство приступило в начале 90-х годов XVIII века.

В центральных и местных учреждениях вынашивались различные проекты. Одни авторы предлагали упразднить существующий порядок судопроизводства и установить «общий» для всей Кабарды суд, во главе которого должен был стоять представитель военной власти, другие считали целесообразным создание здесь нескольких судебных органов. Если иметь в виду обстановку, сложившуюся в крае в ту пору, то первый вариант выглядит слишком авантюристично. Именно так он был расценен главной

кавказской администрацией. Большинство склонилось к тому, чтобы учредить в Кабарде несколько родовых судов и расправ. Авторы этого проекта исходили из своеобразия политического строя Кабарды. Как известно, она состояла из нескольких самостоятельных феодальных уделов. Большая Кабарда была разделена на четыре удела или фамилии: Атажукинская, Мисостовская, Бекмурзинская и Кайтукинская, а Малая Кабарда – на два: Таусултановская и Гиляхстановская [1, ф. 29, оп. 1, д.10, л. 55].

В основу судебной реформы был положен родовой принцип. Решено было создать в Кабарде три родовых суда и три родовые расправы: один родовой суд (княжеский суд) и одна родовая расправа (дворянский суд) на две княжеские фамилии. Председатели и члены избирались из княжеской и дворянской среды. Кроме того, создавался «Верхний пограничный суд» с местопребыванием в Моздоке, под председательством царского чиновника. В компетенцию родовых судов и расправ входил разбор дел, касающихся семейных и холопских вопросов. «Родовым судам и расправам предоставлено судить тяжёлые дела и малые проступки подсудных им кабардинцев, по их обыкновениям», — сказано в положении о родовых судах [2, т. 2, с. 1130]. Последние подчинялись Верхнему пограничному суду, который обязан был рассматривать апелляции на решения родовых судов и расправ. Разбор политических и уголовных дел входил в компетенцию Верхнего пограничного суда. Важные преступления, как-то: измена, «убийство и разбой... должны быть рассматриваемы прямо в Верхнем пограничном суде по законам Империи», – говорится в положении о Верхнем пограничном суде. Он подчинялся астраханскому генерал-губернатору. Заседатели, за исключением царских офицеров, должны были переизбираться каждые три года, как и заседатели родовых судов и расправ.

Судьи и заседатели избирались на общем сходе открытым голосованием сроком на три года. В голосовании принимали участие лица, имеющие лишь княжеское и дворянское происхождение. Сохранились ценные документы, характеризующие ход выборов. При выборе родового суда для Атажукинской и Мисостовской фамилий было выдвинуто 20 человек. Они в свою очередь должны были избрать председателя и заседателей. Председателем родового суда был избран князь Жанхот Сидаков, получивший 18 голосов из 20. Заседателями были избраны: Муса Карамурзин, Темрюк Аджиев; в верховный пограничный суд (заседателями) – Росламбек Мисостов, Девлет-Мурза Касаев. В родовую расправу были избраны: Камбулат Куденетов (председатель), Ислам Тамбиев, Бекмурза Безиев, Девлетуко Агубеков, Мамат-Гирей Жентимиров, Камбулат Шицуков, Генардуко Куденетов (заседатели). Кроме них в состав суда входили также кади, мулла и помощник председателя. Учреждение родовых судов и расправ было встречено духовенством и частью феодалов отрицательно и даже враждебно. В судебной реформе они усматривали ограничение их политических прав. Так оно и было [3]. Духовенство при поддержке антирусски настро-

енных князей развернуло активную деятельность против введённого царскими властями судопроизводства. Оно добивалось полного сосредоточения судебной власти в своих руках и тем самым стремилось обеспечить себе в кабардинском обществе привилегированное положение навсегда. Последующие события являются ярким свидетельством намерений духовных лиц. Представители мусульманского духовенства (разумеется, не все) совместно с той частью феодальной верхушки, которая ещё не сумела установить тесный союз с царским правительством, делали, используя недовольство масс судебной реформой, отчаянные попытки ликвидировать родовые суды и расправы. Надо сказать, что в некоторых случаях дело доходило до открытого выступления.

К рассматриваемому периоду нормы обычного права подверглись глубокой трансформации. Народные обычаи были приспособлены к феодальному порядку. В результате между шариатом и обычным правом не стало каких-либо противоречий. Обычное право и шариат почти в одинаковой степени обслуживали интересы князей и дворян. Для духовенства нормы шариата стали наиболее приемлемы ввиду того, что народ и российские чиновники знали их плохо. Последнее обстоятельство давало слушателям мусульманского духовенства произвольно решать судебные дела.

Спекулируя на освободительных тенденциях народа, духовенство требовало ликвидации родовых судов и расправ. В 1807 г. последние перестали существовать. «...С уничтожением родовых судов вся власть перешла в руки неблагомыслящего России духовенства, которому предоставлен суд. Духовные во всей Азии, а колыми-паче в Кабарде всегда имели немалое действие над народом, который много в них верует. С предоставлением же им права разбирать все дела духовным судом можно сказать, что они вовсе поработили кабардинцев», – писал граф Гудович князю Куракину 16 мая 1808 г. [2, т. 3, док. 1122].

Библиографический список

1. Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. 2; 1869. Т. 3.
3. Бечелов З.Ш. Из истории культурных преобразований в Кабардино-Балкарии // Международный научно-исследовательский журнал Успехи современной науки и образования. – № 3. – Белгород, 2015.

ПРАВОСУДИЕ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. А. Дендиберя

*Адъюнкт,
Ростовский юридический институт
МВД России, г. Ростов, Россия*

В. А. Хажироков

*преподаватель,
Северо-Кавказский институт (филиал),
Краснодарский университета
МВД России, г. Нальчик,
Республика Кабардино-Балкария, Россия*

Summary. The question of legal proceedings has great scientific value. The article emphasizes the role of conservative values in the development of Russian state and law. In article features of realization of the Russian state traditional law enforcement functions, as well as the importance of morality and ethics as core values of political thought and bases of formation of Russian law.

Keywords: statehood; state; function; traditional values; morality.

Этимологически термин «государство» связан с понятиями «государь», «господарь» – глава семьи) («оспада» – семья») [5; 8]. И как настоящий отец и глава семьи, является держателем власти, так и государство принимает на себя основные функции попечения и комплексной защиты, обеспечивая физическую безопасность и реализацию социальных, экономических и иных аспектов этого понятия. Государство имеет важнейшую цель, заключающуюся в государственном единении и общественной стабилизации. Достижение этих ориентиров, в условиях конфликта и борьбы ценностных идеалов, пролегает через согласование и примирение разнородных интересов, партнёрство различных политических и общественных групп, и их отдельных представителей. Во многом подобная солидаризация происходит посредством отправления **справедливого и гуманного правосудия**. Являясь основной формой государственного управления и традиционной функцией российского государства, правосудие сформировалось и развивалось в тесной взаимосвязи с христианскими традициями. Именно проблема выбора религии, в своё время, определила культурно-исторический путь российского государства, детерминировала его развитие, определила путь формирования в российском общественном сознании представлений о характере властных отношений, специфику норм общественно-политического взаимодействия и приверженность власти к православно-культурной традиции. Светская власть в этом свете воспринималась определённой в своей уникальности религиозными основами, глава государства как первый судья и высший источник правды, мыслился «Божьим слугой», власть которого «от Бога». Православная церковь предписывает повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и

вероисповедания, и молиться за неё, «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:2) [1]. Изучением истории российского государства обнаруживается исключительное терпение и законопослушность русского человека, корни которых таятся в православном христианском мировоззрении [6], сформированном длительной и глубокой взаимосвязью институтов церкви и государства. Христианство, которому чужд «правовой нигилизм», признает «другого», «иного», уважает право «другого быть другим», поскольку свобода «другого» лежит в основе библейской истории [6; 9]. Тем самым, Священное Писание, осудив анархию, противоречащую христианскому миропониманию, определило нравственный смысл правосудия и существования государства в целом, через признание за оным власти в ограничении зла и поддержки добра. В свою очередь, ислам, стремящийся к социальной справедливости, изначально не разделяя светское и церковное управление обществом, воспринимает государственные и духовные сферы в тесной взаимосвязи, единым целым. Все это является яркой иллюстрацией к воплощению таких форм влияния религиозных законов на светское законодательство, согласно теории Г. И. Муромцева, как прямое включение традиционных принципов в право, и значение правосознания, сформированного религиозными устоями, как источника права.

Формирование системы права и привитие новых юридических понятий происходило не только вследствие рецепции «законом русским» – обычаям, византийского светского права, но и влияния церковного канонического. Если дохристианский период в праве Древней Руси характеризовался как: «животное проявление инстинкта», то с принятием православия приходит «человеческое понятие о праве» [3; 10]. Так, церковные суды Древней Руси, чья юрисдикция охватывала дела с морально – этическим подтекстом, стремились к искоренению смертной казни, пыток, «полю» и «кровной мести», широко применявшиеся в процессуальной деятельности светских судов. Именно органичное восприятие православия душой русского народа стало основополагающим фактором легитимизации богоугодной государственной власти, во всех её формах и проявлениях. Принятие христианства произвело полный переворот во всех сторонах правовой жизни [3].

Таким образом, религия в истории становления российского правосудия стала основополагающей в столь длительном и сложном процессе. Учитывается различие сущностных природ, если целью Церкви является вечное спасение людей, то правосудие, реализуя важнейшие задачи правозащиты и правосознания, призвано обеспечивать и охранять земное благополучие, а также исконные духовных ценностей человечества, претворённые не только в религиозные догматы, но основополагающие принципы правосудия и охраняемые законом права, свободы и интересы. При этом сами законы государства должны учитывать национальные и религи-

озные особенности» [7]. «Правосудие должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие; полным, ибо правосудие не должно останавливаться на полпути; скорым, ибо промедление есть вид отказа» [2; 4].

Именно традиционные для России конфессии, выступая охранителями консервативных ценностей общества – семья, солидарность, собственность, участие в общественной жизни, строятся на морали и нравственности как залого «здорового» и духовно-сильного общества. Консервативная идея, реализуемая традиционными функциями государства, охраняя фундамент государственно – правовых институтов, строит государство на века, для потомков, которые впоследствии станут предками.

Библиографический список

1. Библия. URL. [http:// azbyka.ru/biblia](http://azbyka.ru/biblia).
2. Батова С. А. Судебная система России. – Москва : Дело – 2001.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995.
4. Курманов А. К., Абазова М. В. Правовые формы защиты прав предпринимателей. // Связь теории и практики научных исследований : сборник статей международной научно-практической конференции. – Саранск, 2016.
5. Лисовская Г. В., Хажироков В. А. Идея национального государства в контексте национальной безопасности // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 2 (69).
6. Овчинников А. И. Базовые ценности и конституционное развитие России // Философия права. – 2011. – № 5.
7. Овчинников А. И. Ценность права в христианской культуре русского народа // Северо-Кавказский юридически вестник. – 2011. – № 1.
8. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 23 января 2012.
9. Хажироков В. А. Правоохранительная функция государства на Северном Кавказе // Юристъ-Правоведъ. – 2014. – № 6.
10. Хажироков В. А. Радикальный ислам на Северном Кавказе в контексте национальной безопасности // Философия Права. – 2015. – № 1 (68).

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ

О. В. Купцова
А. В. Чечин

*Кандидат юридических наук, доцент,
магистрант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

Summary. In article the legal nature of the conflicts and collisions is analyzed. Similarities and distinctions of the specified legal phenomena are noted. Their interconditionality is proved.

Keywords: legal conflict; legal collision; contradictions in the right.

Развитие общественных отношений всегда сопровождалось образованием социальной напряженности, многочисленных конфликтов и коллизий. Общество – сложная динамичная система, которая порождает и одновременно является следствием различных противоречий, возникающих в разных сферах человеческой жизнедеятельности.

В отличие от общества право, как совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм и правил, регулирующих отношения между людьми, – явление относительно статичное. Оно не изменяется самостоятельно – его корректируют органы власти, и часто эти изменения принимаются несвоевременно, не успевают за развитием общественных отношений. Отсюда и возникают юридические конфликты и коллизии [4, с. 87].

Понятия «юридический конфликт» и «юридическая коллизия» зачастую отождествляют друг с другом, однако это вряд ли корректно.

Термин «конфликт» имеет латинское происхождение и дословно означает столкновение. Конфликт является неотъемлемой частью развития общества, одной из форм взаимодействия людей, социальных групп, при которой какие-либо действия одной стороны препятствуют реализации целей другой стороны. Это социальное отношение между группами лиц, имеющими несовместимые интересы.

Юридический конфликт важно рассматривать как разновидность социального конфликта, через призму противоречий, возникающих между людьми, а не нормативно-правовыми актами.

Иную природу имеет юридическая коллизия. Большинство правоведов сходятся во мнении, что юридическая коллизия – это противоречие между отдельными нормативно-правовыми актами, регуливающими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий [4, с. 22].

В современном праве юридические коллизии встречаются часто, что связано как с реформированием существующих правовых документов, так и с созданием новых нормативно-правовых актов. При этом не стоит рассматривать юридические коллизии как исключительно негативное проявление развития права, поскольку именно противоречия (коллизии) позволяют совершенствовать правовую систему общества [2, с. 69].

Итак, если юридический конфликт – это всегда противоречия между людьми, социальными группами в результате реализации, применения и толкования правовых норм, то юридическая коллизия – это, прежде всего, противоречия между правовыми нормами.

Важно отметить, что юридическая коллизия и юридический конфликт взаимосвязаны. Первая часто выступает в качестве причины (основания, предпосылки) второго. Конфликт же рассматривается как вторичное образование, как способ диагностики и разрешения коллизий.

Однако нельзя оценивать юридическую коллизию как единственную причину возникновения юридического конфликта. Так, многие конфликты возникают не из-за противоречия норм права между собой, а из-за других, часто субъективных причин [1, с. 23].

В целом соотношение юридического конфликта и юридической коллизии можно выразить следующим образом [см. также: 3, с. 6; 2, с. 86]: 1) обе категории являются отражением противоречий: юридическая коллизия – между правовыми нормами, актами, юридический конфликт – между субъектами права; 2) юридическая коллизия – статичное состояние правовой системы, конфликт – динамический процесс, имеющий различные стадии, виды и этапы; 3) разрешение юридической коллизии происходит путем выявления и применения нормативно-правового акта большей юридической силы, тогда как юридический конфликт разрешается посредством установления юридических прав сторон.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что юридический конфликт и юридическая коллизия – понятия, имеющие разное содержание, но находящиеся во взаимосвязи. Применительно к обеим категориям надлежит говорить о противоборстве, однако, в одном случае – между нормами, в другом – между интересами, движущими субъектами. Конфликты позволяют диагностировать и разрешать коллизии. В свою очередь устранение коллизий во многих случаях позволяет избежать юридических конфликтов.

Библиографический список

1. Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 2015. – № 9. – С. 23–25.
2. Семенова Я. М. Устранение коллизий в процессе применения норм трудового права. – М. : Дело, 2013. – 125 с.
3. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 2–6.

4. Худойкина Т. В., Васягина М. М. Профилактика юридического конфликта: теория и практика. – Саранск, 2007. – 195 с.

ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

А. А. Прийма

*Студент,
Южно-Уральский государственный
университет,
г. Челябинск, Россия*

Summary. This article talks about the law as a regulator of social relations in Russia's history. The legal system is seen from the times of Kievan Rus to modern Russia. As well as the main trends of development of the law.

Keywords: law; Russia; public relations; legislation; trends; history; regulations.

Регуляторы общественных отношений появляются в глубокой древности в форме обычая, традиций, законодательное же регулирование общественной жизни зародилось в период формирования Киевской Руси. Главный источник права в Древней Руси – это Русская правда. Ее нормы были основаны на устном племенном праве, с включениями скандинавского и византийского права, а также церковных писаний. Русская правда нашла отражение и во многих других источниках русского права, таких как: Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота 1467 года, литовский Устав Казимира IV – 1468 года, Литовский статут 1588 года.

Первым законодательным кодексом Российского государства был Судебник 1497, он же стал первым актом, в котором просматривалась систематизация материала, чего не было ранее. Однако к 1649 году скопилось огромное множество этих актов и грамот, которые не только устарели, но и противоречили друг другу. Поэтому введу неэффективности системы издания норм по запросу определенных ведомств, законодатель перешел к нормативному толкованию правовых норм. Был созван Земский Собор, который работал до 1649 года и принял Соборное Уложение. И только к XIX веку было издано полное собрание российских законов, состоящее из сорока пяти томов и отдельно рассматривавшее все виды общественных отношений систематично. В результате этого все органы оказались в строгом подчинении друг другу.

К 1936 году полностью была уничтожена частная собственность на средства производства. А во второй половине восьмидесятых началось построение новой правовой системы, были внесены многочисленные поправки к Конституции РСФСР 1978 года, признан политический плюрализм и многопартийность, принцип разделения властей, частной собственности и свободы предпринимательской деятельности. Также были признаны де-

кларации о государственном суверенитете и о правах и свободах человека и гражданина.

С распадом Советского Союза и провозглашением государственной независимости новой России законодательство значительно обновилось. Теперь функционирует профессиональный парламент, что ускорило темп законодательной деятельности. Для развития современного российского законодательства характерны процессы интеграции и дифференциации правового регулирования. В современной системе российского законодательства возрастает роль указов Президента Российской Федерации, меняется природа федеральных законов по вопросам совместного ведения Федерации и ее субъектов. При этом появляются новые отрасли законодательства, такие как: об охране здоровья граждан, об образовании, сельскохозяйственное законодательство.

Исходя из этого можно сделать вывод, что Российское законодательство значительно изменилось на сегодняшний день, поэтому исследование тенденций развития права в исторической перспективе необходимо для рациональной организации и систематизации нормативных правовых актов, а также для создания соответствующих современным реалиям федеральных законов и законов субъектов.

Библиографический список

1. Русская правда -http://krotov.info/libr_min/17_r/us/skaya_pravda.htm
2. Босова Е. Н. Избирательное законодательство: проблемы систематизации <http://dlib.rsl.ru/01002817186>
3. Корчевский Д. С. Современная правовая система Российской Федерации <http://dlib.rsl.ru/01000288038>

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. В. Тимошенко
О. В. Зинченко

*Кандидат юридических наук, доцент,
магистрант,
Южно-Уральский государственный
университет,
г. Челябинск, Россия*

Summary. The article deals with the topical question of appearance and development of the settlement agreement in the civil process of Russia. Comprehensive analysis of the reform of the settlement agreement from global transactions in the Charter of Civil Procedure of 1864 to the settlement agreement in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that the settlement agreement as a conciliation has found wide application in the procedural activities of the court in view of the fact that it acts as a form of summary judgment.

Keywords: settlement agreement; arbitration; judicial settlement; legal proceeding; reform; conciliation procedure.

Соглашение сторон о прекращении судебного спора на определенных, не противоречащих закону и не нарушающих права и интересы других лиц условиях называется мировым соглашением.

Мировое соглашение можно отнести к одному из способов разрешения гражданско-правовых споров на взаимоприемлемых условиях, которым оканчивается судебный процесс [7, с. 406].

Началу зарождения мирового соглашения как института гражданско-процессуального права способствовала активная реформаторская деятельность Александра II: крестьянская реформа 1861 года (отмена крепостного права), земская и судебная реформы 1864 года, реформа городского самоуправления 1870 года, военная реформа 1874 года.

С формированием гражданского общества в России, а также изменением политических и социально-экономических условий функционирования российской судебной системы, под которой следует понимать «совокупность всех судов государства, имеющих общие задачи, связанные между собой отношениями по осуществлению правосудия» [2, с. 82], наиболее тесно взаимосвязана судебная реформа 1864 года, в результате которой были укреплены правовые и нравственные основы правосудия в виду того, что суды стали функционировать более рационально и эффективно, обозначился прогресс в развитии правосознания и правовой культуры населения. В рамках этой реформы был принят Устав гражданского судопроизводства 1864 года – первый в истории российского законодательства сводный законодательный акт в области гражданского судопроизводства, «впервые отделивший гражданское судопроизводство от уголовного, при-

способивший новое судопроизводство к новой судебной системе» [1, с. 34]. В Устав был включен раздел IV книги III, посвященный примирительному разбирательству. Сам раздел содержал две главы – «О мировых сделках» и «О третейском суде». «Устав достаточно подробно закреплял виды мировых сделок (ст. 1359), процедуру (ст. ст. 1360–1363) и правовые последствия их заключения (ст. ст. 1364–1366). Также устанавливалась обязательность действий мирового суда по склонению сторон к миру (ст. ст. 70, 177). В окружных судах такая обязанность вменялась лишь при производстве дел сокращенным порядком (ст. 361), а в обычном производстве оставалась на усмотрение председателя (ст. 337)» [6, с. 13]. Функции примирения возлагались в основном на мировую юстицию. Мировые суды создавались как выборные, всеобщие и самостоятельные органы судебной власти, основной задачей которых было примирение сторон, охрана и утверждение общего порядка и спокойствия. Согласно Уставу, спорящие стороны могли прекратить процесс по взаимному соглашению. Для этого истец должен был заявить суду, что отказывается от своих требований, а ответчик – что он согласен на прекращение дела. Однако не все дела могли оканчиваться примирением сторон. Так, в соответствии со ст. 1289 Устава «дела казенных управлений не могли быть окончены на суде примирением спорящих сторон» [8].

Представленный выше обзор отдельных норм Устава, впервые наиболее подробно урегулировавших возможность и порядок завершения дела миром, позволяет говорить о новом витке развития гражданского судопроизводства с середины XX в.

После окончания в 1920 году Гражданской войны, ставшей одним из важнейших событий в истории российского права, большое государственное значение для развития советского права имела кодификация законодательства, послужившая началом и основой кодификационных работ во всех советских республиках. Традиционно гражданские процессуальные кодексы в России принимались одновременно с гражданскими кодексами, что соответствовало логике взаимодействия отраслей права. Так, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года был принят вскоре после принятия Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, а Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года принимался одновременно с Гражданским кодексом 1964 года. Необходимость разработки и принятия гражданских процессуальных кодексов в России связана, прежде всего, с формированием кодифицированной системы советского законодательства.

10 июля 1923 г. ВЦИК был принят Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (далее – ГПК 1923 г.), который содержал всего лишь одну статью, посвященную мировому соглашению – ст. 18, где речь шла о возможности окончания дела миром [4]. Мировое соглашение в этот период являлось лишь одним из обстоятельств дела, которое суд учитывал при вынесении решения. Россия претерпевала постоянные изменения в поли-

тике разных сфер (экономической, социальной), в виду чего имелся большой массив несистематизированного нормативного материала и требовалась разработка иных нормативно-правовых актов, которые регулировали бы данный институт.

С 1 октября 1964 г. введен в действие ГПК РСФСР (далее – ГПК 1964 г.), который содержал большее (по сравнению с ГПК 1923 г.) количество норм о мировых соглашениях в процессе.

Так, ст. 34 впервые закрепила условия заключения мирового соглашения: непротиворечие закону, ненарушение чьих-либо прав и охраняемых законом интересов. При этом под «чьими-либо» правами и охраняемыми законом интересами подразумевались права и интересы кого бы то ни было, в том числе и сторон мирового соглашения. Кроме того, мировое соглашение, утвержденное судом по ГПК 1964 г., являлось одним из оснований прекращения производства по делу (п. 5 ст. 219) [5].

Дальнейшее развитие института мирового соглашения связано со вступлением в действие ГПК РФ 2002 г., который является одним из источников гражданского процессуального права в настоящее время. Согласно положениям Кодекса, мировое соглашение – это взаимный договор сторон об условиях прекращения спора. При утверждении мирового соглашения сторон суд выносит определение, которым одновременно прекращается производство по делу. Заключение мирового соглашения возможно на любой стадии гражданского процесса. Относительно условий заключения мирового соглашения ныне действующий ГПК дублирует своего предшественника – ГПК 1964 г.: условия мирового соглашения не должны противоречить закону и, соответственно, не нарушать прав и законных интересов других лиц. Кроме того, примирение сторон закреплено в качестве одной из задач суда на стадии подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 148), чего не содержал ГПК 1964 г. Согласно п. 5 ст. 150 ГПК РФ, судья принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства, и разъясняет сторонам их право обратиться за разрешением спора в третейский суд и последствия таких действий. Подобная статья относительно того, какие действия осуществляет судья при подготовке дела к судебному разбирательству, содержалась и в ГПК 1964 г. (ст. 141), однако конкретные меры по заключению мирового соглашения не предусматривались. Полагаем, что такое положение законодатель отнес к п. 12 ст. 141 ГПК 1964 г., а именно к иным необходимым процессуальным действиям.

В настоящее время мировое соглашение является полноправным гражданским процессуальным институтом. Как юридический факт мировое соглашение представляет собой своего рода гражданско-правовую сделку, заключаемую под контролем суда и имеющую правопрекращаю-

щие последствия [3, с. 278–279]. Данный институт способен эффективно урегулировать спор между сторонами, защитить нарушенные права и законные интересы спорящих сторон, сократить продолжительность судебного разбирательства, завершить дело миром, облегчить суду рассмотрение дела и предупредить судебную волокиту, снизить финансовые расходы на ведение дела.

Согласно ст. 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству является примирение сторон. Целью такого примирения является достижение взаимопонимания между сторонами по поводу возникшего спора. Мирное соглашение как примирительная процедура нашло широкое практическое применение в процессуальной деятельности суда в виду того, что оно выступает одной из форм упрощения судебного процесса: если стороны достигли соглашения, способствующего урегулированию спора, то суду не требуется осуществлять доказательную деятельность с целью установления фактических обстоятельств дела.

Библиографический список

1. Боева Г. А. Особенности гражданского судопроизводства в мировом суде Российской империи // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2008. – № 1. – С. 33–43.
2. Ванькина Е.А. О предпосылках введения института мировых судей в рамках судебной реформы 1864 года // Социально-политические науки. – 2012. – № 2. – С. 82–85.
3. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 768 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс ГПК РСФСР от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 46–47. – Ст. 478 (утратил силу).
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Федер. закон от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407 (утратил силу).
6. Зипунникова Н. Н. Идея примирения в истории российского гражданского процесса (законодательное закрепление и доктринальное обоснование) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 9. – С. 10–14.
7. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2013. – С.406.
8. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

VI. PROBLEMS OF INTERCOMMUNICATION BETWEEN PERSON, SOCIETY AND GOVERNMENT IN POLITIC-LEGAL THEORY AND PRACTICE

PRACTICAL REALIZATION OF A CULTURE OF DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF MODERN DEMOCRATIC THEORY

Y.V. Dyachenko

*Candidate of Political Sciences,
assistant professor,
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia*

Summary. In this article the basic theory of modern democracy, the presence in them of opportunities for effective interaction between society, the individual and the state. We study the specific features of the relations of power and citizens in each individual model. We analyze the level of democratic culture in the study of democratic models, the public perception of their existing democratic principles.

Keywords: culture of democracy; models of democracy; democratic political system; constitution; Basic Law.

For effective interaction between the individual, society and state in modern societies, a democracy or seeking to do so, as well as to neutralize the recurring problems, both political and social scale today, first of all need a serious legislative base, and in the first place, the constitution, to be able to resolve all possible relationships. In addition, it is important that all provisions adopted in its basic law and taken the whole of society, successfully implemented in practice, not only fixes documented. In fact, as far as its political practice corresponds to what the Constitution prescribes, it is possible to judge the degree of development of a culture of democracy in a given society. Based on the existing characteristics of the phenomenon, a culture of democracy can be defined as the level of implementation in a democratic state the principles of democracy: legal reflected in the Basic Law (the Constitution) and the actual implementation in the political practice in the context of its recognition by citizens of the state (its legitimacy).

Availability of the Constitution as the Basic Law, and also bound its correct perception of citizens is one of the leading democratic principles. However, as the differences found themselves in democratic regimes, as well as manifestations of a culture of democracy will have specific features in each individual state. Let us examine the possible variations in the implementation of a culture of democracy in the basic theories of modern democracy, which, above all, recall the existing concepts and interpretations of the political regime.

First of all we turn to the conditional release of «value» and «rational-procedural» approach to the interpretation of the nature and essence of democracy [10]. «Value» approach considers democracy as a political construction, designed to bring to power a set of certain ideals and principles. In other words, the essence of democracy in the present case is reduced to a certain set of values that express its social meaning and purpose. And the options values underlying the concept of democracy, can be completely different in ideological orientation. Hence the possibility of inclusion in this area, and the liberal and socialist interpretations of democracy.

«Ratsinalno-procedural» approach assumes that democracy is possible only when the distribution of power resources in the society gets wide enough, with the result that no social group is not able to maintain its hegemony for a long time. In this case, the most efficient solution is the distribution of functions and powers on a contractual basis, causing the alternation of representatives of various social and political groups in power. Such mechanisms of organization and functioning of the authorities and express the essence of democracy.

Other, no less important and popular direction refers to the ideas of liberal democracy, to a set of theories and concepts, developing ideas in the field of ideology of liberalism and democracy policies. From this point of view distinguish two paradigms in the understanding of democracy: liberal-democratic and radical democratic [9].

Liberal-democratic paradigm considering democracy not only as a procedure that allows citizens to participate in political life, but also as a mechanism that protects them from the arbitrariness of the authorities and the wicked actions of other people. In other words, priority is given to the interests of the individual and their separation from the state interests. The idea of innate and therefore inalienable human rights to life, liberty and private property led to the interpretation of society as a set of equivalent independent personalities.

A number of studies are the two components of the liberal-democratic paradigm of values and institutional. Valuable aspects was laid by the classics of liberal thought John Locke, Hobbes, Montesquieu, T. Jefferson and others. For them, one of the main values in favor popular sovereignty. The source of power is recognized separate identity and its right to have priority over the laws of the state. The individual rights enshrined in the Constitution and to protect the independence of the state court. By freedom is understood not actively involved in politics, and the lack of restrictions and constraints on the part of States and other individuals and their non-interference in the sphere of interests of its own citizens. Guarantors of this freedom appear public institutions; comprehensively ensure the rights of individuals.

This principle of organization of power was called «watchdog of democracy». In her state should protect the rights and ensure the interests of citizens on the basis of existing laws in the society, with the main state functions shall be determined by joint decisions of the citizens. There is a division of powers into

legislative, executive and judicial powers, and they operate on the basis of a system of checks and balances to prevent abuse of any of them.

In the institutional aspect of understanding of democracy theorists have identified two models. A representative model («protective») developed by J. Bentham, J. Mill, developing model («developmental») – A. Tocqueville, J. Dewey, L. Hobhouse, etc. Common to these models in favor of civil society a priority to the government, People sovereignty is manifested through a representative government, the protection of individual rights and freedoms.

At the same time, proponents of representative models of the Parliament proclaimed center of the political process. He presented the main base of political power and the only expression of universal suffrage. As a result of free and competitive elections without any property qualification citizens delegate some of its powers to their representatives in the legislature, that during a particular period should express requirements and protect the interests of voters.

According to the interpretation of emerging democracy, an important factor in the development of the individual abilities is its involvement in the policy, it is necessary not only to protect the private interests of the individual, but also for the formation of a competent and informed citizens. This model was developed by J.-J. Rousseau, for whom democracy advocated primarily a means to achieve the freedom of individuals. He saw freedom as submission to the general will, which is a result of the refusal of people to individual self-interest and the judgments in favor of the good of the whole community [8]. Based on these ideas, the proponents of developing a model opposed to the principle of representation in favor of direct, direct democracy.

A different understanding of democracy develops in the framework of the radical-democratic paradigm. Its representatives (in particular, G. Lasky, J. Rawls) emphasize social equality, sovereignty of the people, rather than the individual, ignoring the separation of powers, preferring immediate, rather than representative democracy. These ideas develop Marxism advocates who believe that freedom can be obtained only at the termination of the operation and the establishment of full economic and political equality. In this perspective, democracy is a social equity, the resulting common ownership of the property, as well as the priority of public interests over private interests [4; 7].

We analyzed the model can be called a classic, but many theories now appear, not only based on the classic experience of the Study of Democracy, but also take into account the practical implementation of the preceding ideas in modern conditions, paying attention to the complexity and dynamics of today's political processes.

Enough popular today is the idea of participatory democracy, involving the active participation of citizens in the discussion of public affairs and political decision-making on major issues of public life. In a modern society citizens themselves should be interested in involvement in the management process, since the reduction in the level of political participation of citizens could lead to

arbitrary political elite. Confront this can only be a strong power from below, provided that the citizens will not just have an equal opportunity to participate, and the process of their participation in various kinds of decisions will be permanent. The main mechanism for political decision-making performs a referendum.

The active involvement of citizens in the democratic process – is both a condition and an expression of individual freedom, since it contributes to multi-lateral development of personality. Therefore, political participation, on the one hand, protects citizens from decisions imposed from above, and on the other - is the mechanism of the human self. As a result, the ideal state is characterized by the participative direct involvement of citizens in the management of political and social institutions, accountability of government officials and members of the public the highest degree of democratic legitimacy.

However, this model has a number of contentious issues. In particular, it leads to a reduction of liability of the elite for their decisions, since it undermines the principle of professional governance (decision-making rests with the citizens, are often not professionally trained for such activities and do not have sufficient competence). In addition, the requirement of compulsory participation of citizens is undermining basic democratic freedoms, since it does not make it possible to abandon the political participation.

In response to the periodic crises of liberal democracy was the egalitarian theory of elitism, the authors of which, in particular, M. Weber and J. Schumpeter, viewed democracy as a method of selecting the most talented and competent ruling elite [1; 11]. Proponents of this approach divided society into the ruling minority and majority controlled. In their view, it is natural, because the majority of the population is not interested in politics and does not aspire to power. In addition, state control must be carried out only by professionals, people, specially trained for this purpose. It follows that since the majority of the population does not have the relevant knowledge, we must limit their political participation in the elections. This delegation of the elite, that is, the ruling minority, the right to take political decisions are made on a voluntary basis.

In the implementation of this model in power are professional politicians with a certain control on the part of citizens, there is a competition of group interests represented by the leaders, and ordinary citizens are given the opportunity to influence the composition of the governing bodies. Democracy here is presented one of the political methods of institutional organization, according to which came to power a political leader that gets the most support of voters.

Along with this, the idea is also not without drawbacks. In particular, there are difficulties in the implementation of the selection really professional personnel management. Also, it does not always have the ability to provide real competition of political forces and elites. Unsettled of these problems is not conducive to the full realization of the principles of the democratic organization of power.

One kind of elitism model is the theory of plebiscite democracy Max Weber. According to her, the concept of national sovereignty and the general will of the people is completely worthless, because the free will of the people is only possible in small communities. The representatives of the people in the Parliament in the development of liberal democracy gradually superseded representation of political parties. Recent produce a single direction and establish strict discipline, turning into a bureaucratic organization.

Power is concentrated in batches by professional politicians - leaders who are beginning to dominate in this type of public associations. Leader popularly elected, and his citizens send their right of control over the government. Thus, democracy is a set of procedures and agreements aimed at selection of a legitimate leader.

In contrast to the concept of elitism representatives pluralistic model (eg, D. Truman) insist on the necessity of the existence of multiple centers of power, eliminating the claims of any one of the elite to represent the interests of the whole society. People are social by nature, cannot live outside society and its laws. They tend to create organizations and groups that will express their interests and defend their demands.

The presence of several of these groups leads to the fact that a reasonable sum competition of political forces in society and provides equal opportunity to all interest groups express their views freely. This avoids the concentration of power in the same hands, to maintain a balance of interests, and promotes the search for compromises for the sake of the greatest degree of satisfaction of interests. Democracy in this situation as much as possible disperses between the various forces, which allows it to maintain a dynamic balance the competing interest groups.

However, development of such a group representation, first of all, a negative impact on the political participation of the individual. The average citizen becomes passive and loses control of the system as a whole. Existing social groups often do not represent the interests of all citizens; therefore, parts of the interest are not institutionally appointed and are not represented in the political arena. All this can lead to complete loss of the democratic foundations of the overall functioning of the entire system.

One kind of pluralistic democracy advocates polyarchy model, developed by the American political scientist Robert Dahl. The term, which means «rule of the many», originated in England in the XVII century, but only in the early 50s began to be actively used in the literature. XX century. The scientific revolution was first introduced by R. Dahl and G. Lindblom in their joint work «Politics, economics and welfare» [2].

Initially polyarchy it analyzed as a process by which citizens can exercise control over political leaders. Later, however, this description was supplemented with essential features that affect the institutional, procedural and cultural aspects of pluralistic democracy. These characteristics R. Dahl took the following:

the ability to control over government decisions on the part of elected officials; the formation of government bodies through regular, free and fair elections; universal active and passive suffrage; the right to freedom of expression, particularly political, including criticism of the existing system; access to alternative sources of information; the right to form various associations, including political associations seeking to influence the government through the use of competitive elections and other peaceful means [3].

Highlighted features of polyarchy used in conjunction, on the one hand, allow systematizing the main features of modern democracy, and on the other - to identify the differences between democratic and non-democratic regimes, as well as the degree of democratic development in a country.

Currently, according to Dahl, only some of these features are developed in modern democratic states. The reason for the underdevelopment of the author refers to the excessive concentration and centralization of power; therefore, an important factor in the development polyarchical model describes the dispersion of economic and political resources.

Significant contribution to the development of the theory of modern democracy has made American political scientist A. Lijphart, who put forward the idea of consociational (soobschestvennoy) democracy. Under it he understood «segmental pluralism», which includes all the possible line of separation in the multicast community, plus the principle of consent» [5]. Most modern societies are multi-piece, so have a serious division on religious, ideological, linguistic basis. Population groups selected by the author on the basis of these differences, he called segments. For a society composed of such segments, the most important characteristic in favor political stability, which includes the maintenance of the system, civil order, legitimacy and effectiveness. Such a regime, the author notes, preserves the quality of democracy and a low level of violence used by the public.

This agreement segmental societies can be achieved with a few conditions. Firstly, it is a great exercise of power by a coalition of political leaders of all significant segments of society, which implies, above all, the creation of a coalition government with the participation of all parties representing the main sectors of society. Secondly, the proportional representation of sectors of society in all branches of government, the distribution of posts in the state apparatus and the state budget. Thirdly, mutual veto, acting as an additional guarantee of the vital interests of the minority, which involves in deciding not normal, and a qualified majority (two-thirds or three-fourths of the votes). This would allow a minority hope to protect their interests. And finally, fourthly, a high degree of autonomy of each segment in the management of its internal affairs.

However, this model is directed against the marginalization of minorities in the political periphery, is applicable only when such groups have their own political organization and conduct relatively independent policy. In addition, the decisive role is recognized for the elites, who should receive more freedom from

the pressure of the rank and file members for the conclusion of agreements and compromises, and be sufficiently responsible.

Legitimate democratic model has a certain similarity with representative democracy. The authors of this type of government (F. Hayek, R. Nozick) are in favor of separation of the state from civil society and the rule of law. Central to these acts creating maximum space for free market competition and limitation of state intervention in the sphere of public life.

The rule of law is above both the state and the will of the majority, so the main task - to regulate all social relations. He must restrict the activities of all stakeholders and to minimize bureaucratic regulation. At the same time, proponents of legal democracy almost completely deny any form of social democracy, limiting it only the political and legal sphere. These ideas were later used in the formulation of economic and social policy of Ronald Reagan and Margaret Thatcher.

New political realities lead to the fact that the concept of democracy and to this day continues to be developed in view of the functioning of the complicated societies. There are updated models of modern democracies. In particular, the popular theory of the market, representing a democratic organization of power as an analogue market-oriented economic system with its inherent laws of development.

French political scientist M. Rocard proposed information model democracy, called the core reality of the relationship between democracy elected officials, the media and voters [6]. At the same time, the growing role of electronic systems in the structure of mass communications brought to life the idea tele-democracy (or «kiberdemokratii»), according to which the political process the main role is given to mechanisms that facilitate greater involvement in the political management of public opinion, and accountability to it the power structures.

The modern model of delegative democracy promotes the study of new conditions of transition of modern societies from authoritarianism to democracy. Such a democracy is characterized by the weakness of the existing political institutions, which takes place cronyism and corruption. This model is based on the belief that victory in the presidential elections allows the winner to govern on its own discretion within the framework of the existing constitutional limitations and established power relations.

All of the above models, regardless of their nature characterized by the presence of basic democratic principles, based on which are built state relations in all spheres of public life. The differences between them can be traced, in our opinion, it is in relation to the degree of their legal and political culture, which, in turn, forms the general level of culture of democracy.

Rational-procedural approach to the study of democracy, in our view, characterized by a high level of culture of peace and legal policy, as it involves more widespread resources of power and rights in the State, in contrast to the valuable. Liberal-democratic paradigm gives unlimited possibilities of a single

person in the country, its rights and liberties, and radical-democratic advocates a number of limitations in this regard. In other words, the culture of peace level of political and legal in the latter is much lower.

More recent theoretical models of democracy, we can also be divided according to the degree of consolidation in the state of political culture. Higher levels noted in the participative, pluralist, consociational (or *soobschestvennoy*) models, polyarchy, television and informational democracy. These models require the active involvement of citizens in political life (in process control), general representation of interests (group representation on the basis of competition, including for religious, ideological, linguistic grounds), free interaction with the media, and more, allowing you to talk about the development of a high enough in their political and legal cultures.

A lower degree of development of a culture of peace and legal policy, in our view, marked egalitarian model of elitism, plebiscitary model (as its variety), legal and delegative democracy. They traced certain restrictions. In particular, the provision of opportunities for political participation only «ruling minority» (and not the entire population), the depreciation of the concept of national sovereignty and the general will of the people, giving excessive power law (above the state and the will of the majority to be able to restrict the activities of the various groups of representation), poor development policy institutions in general (they took the corruption), etc.

In general, the analysis of the most common modern theories of democracy allowed to see the data possible models for adoption in their individual democratic principles, in particular, the availability of the constitution, and the existence of these conditions for the effective perception of these laws population. The various models of democracy, there are specific only to these particular operation. Accordingly, the degree of approval in them a culture of democracy vary, which leads to a variety of opportunities for interaction between the individual, society and state, as well as the means of resolving conflicts that arise, both in individual spheres of society and in the whole social life.

Bibliography

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990.
2. Dahl R. A., Lindblom C. E. *Politics, Economics, and Welfare*. – New York : Harper & Row, 1953.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 358–359.
4. Демократия в Америке: пер. с фр. / предисловие Г. Ласки. – М. : Весь мир, 2000.
5. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. Б. И. Макаренко. – М. : Аспект-Пресс, 1997. – С. 40.
6. Рокар М. Трудиться с душой. – М. : Международные отношения, 1990. – С. 107.
7. Роулс Д. Теория справедливости. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 207–210.

9. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2009. – С. 59.
10. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии : учебник. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – С. 267.
11. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М. : Экономика, 1995.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. В. Никишкин

*Кандидат юридических наук,
старший инспектор,
УМВД России по Московскому району
города Санкт-Петербурга
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. In the article the peculiarities of the participation of the traffic police to implement road traffic safety. Analyzed the possible forms and methods, which are used by employees of the traffic police in ensuring road traffic safety.

Keywords: police; traffic police; road accidents, road traffic safety; misdemeanor; Rules of the road.

Сам процесс, связанный с обеспечением должного уровня безопасности на дорогах, для России имеет особую актуальность в современных условиях. Это объясняется тем, что развитие социальных, экономических направлений просто не возможно без транспорта [1].

В связи со значительным числом аварий, транспортных катастроф динамично развивается и законодательная база, регулирующая данную область правоотношений. Соответственно, можно сказать о том, что транспортная безопасность представляет собой неотъемлемую часть безопасности всего Российского государства в целом [9].

М. В. Костенников, исследуя данную область правоотношений, говорит о существенном вкладе дорожно-патрульной службы ГИБДД в деятельность по поддержанию безопасности на дорогах. При этом в такую область правоотношений в обязательном порядке должны входить отношения людей, которые возникают в связи с соблюдением Правил дорожного движения [7].

Для того чтобы уменьшить количество происходящих аварий на дорогах, необходимо:

- усовершенствовать всю дорожно-транспортную инфраструктуру;
- усилить пропаганду в области соблюдения Правил дорожного движения;
- повлиять на правосознание населения страны [10].

Несмотря на то, что ДПС ГИБДД при выполнении своих служебных функций не может оказывать влияние на мотивы поведения участников дорожного движения, именно деятельность данного органа необходимо воспринимать в качестве наиболее действенного средства в области предупреждения дорожно-транспортных происшествий.

На дорожно-патрульную службу ГИБДД как раз и возлагается функция, связанная с предупреждением различного рода транспортных аварий, поскольку она является основным субъектом в области системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Так, на ДПС ГИБДД в целях обеспечения дорожно-транспортной безопасности возлагаются такие функции, как:

- осуществление надлежущего контроля на постах и маршрутах патрулирования ДПС за соблюдением участниками дорожного движения Правил дорожного движения;

- оказание содействия в обеспечении гражданам и юридическим лицам в реализации их прав, а также законных интересов, в процессе движения по дорогам;

- выполнение распорядительных, а также регулировочных действий, которые необходимы для поддержания должной транспортной безопасности;

- осуществление производства по делам об административных правонарушениях согласно нормам российского законодательства;

- совершение неотложных действий на месте дорожно-транспортного происшествия;

- выполнение мероприятий, направленных на сопровождение транспортного средства в случае необходимости;

- разработка различных предложений в виду увеличения процента аварийности на дорогах;

- иные функции [8].

Однако все-таки основной задачей ДПС ГИБДД является именно обеспечение соблюдения участниками дорожного движения Правил дорожного движения. Данная задача определяется необходимостью сохранения жизни, здоровья и имущества как физических, так и юридических лиц, а также всего государства и общества в целом, что необходимо учитывать в правоприменительной практике.

Контроль, осуществляемый ДПС ГИБДД за соблюдением Правил дорожного движения, является наиболее эффективным способом, посредством которого происходит регулирование поведения всех участников дорожного движения.

Данный контроль в обязательном порядке должен включать в себя:

- 1) визуальное наблюдение или наблюдение с использованием средств видеofиксации за участниками дорожного движения;

- 2) наблюдение за состоянием технических средств, которые принимают участие в организации дорожного движения.

При этом огромное значение имеет то, что контроль сотрудниками ДПС ГИБДД за соблюдением Правил дорожного движения может совершаться в нескольких самостоятельных формах, к которым необходимо отнести:

- пеший порядок;
- с использованием патрульного автотранспортного средства либо иного транспортного средства;
- на стационарном посту дорожно-патрульной службы [6].

Выбор какого-либо конкретного вида контроля должен предопределяться изначально сложившимися условиями дорожного движения, а также задачами, которые стоят перед нарядами ДПС ГИБДД [2].

Однако абсолютизация выявляемости административных правонарушений приводит к тому, что основная задача ДПС ГИБДД уходит на второй план.

В виду того, что на практике просто не представляется возможным произвести фиксацию всех совершаемых нарушений Правил дорожного движения, а также оформить все это должным образом в рамках Российского законодательства, сотрудники ДПС ГИБДД на основании имеющегося анализа о конкретном участке дороги, должны скоординировать и направить все необходимые силы для того, чтобы пресечь наиболее опасные административные нарушения на таком участке. Это в значительной степени позволит минимизировать неблагоприятные последствия, связанные с нарушением Правил дорожного движения.

Для подразделений ДПС ГИБДД конечный результат определяется не только качественными показателями. Здесь учитываются и так называемые косвенные показатели, к которым принято относить:

- количество ДТП;
- число погибших и пострадавших вследствие совершенных дорожно-транспортных происшествий на конкретной территории;
- уровень и состояние дисциплины среди участников дорожного движения на закрепленном участке.

С практической стороны весьма трудно установить взаимосвязь активности инспекторов ДПС ГИБДД, при выполнении своих должностных функций и показателями аварийности. Так, во-первых, дорожно-транспортные происшествия по своей сути явления многофакторные. А во-вторых, нет закрепления инспекторов ДПС ГИБДД за каким-то конкретным маршрутом, участком дороги и т. п.

На сегодняшний день складывается тенденция, когда сотрудник ДПС ГИБДД знает, что его основной задачей является выявление и фиксация нарушений Правил дорожного движения. И в карточке поста обычно указываются «рыбные» места, где по статистике в большей степени нарушаются Правила дорожного движения. А соответственно, получается, что сотрудник ДПС ГИБДД в большинстве случаев не предупреждает совершение нарушений Правил дорожного движения, а ждет, когда они будут

нарушены, а в дальнейшем привлекает виновное лицо к административной ответственности. Соответственно, по факту основная задача, возлагаемая на ДПС ГИБДД в современных условиях, просто не выполняется.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что сотрудникам ДПС ГИБДД, в процессе осуществления своей деятельности необходимо изменить основу такой деятельности и все-таки предупреждать возможные нарушения Правил дорожного движения, что как раз и будет способствовать поддержанию должного уровня дорожно-транспортной безопасности в стране.

Библиографический список

1. Барашников М. В. Административно-правовой статус участников дорожного движения. – М. : Юрлитиздат, 2008.
2. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. – М. : НОРМА, 2014. – 682 с.
3. Бялт В. С., Демидов А. В., Тальянин В. В. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие. – СПб. : ЛЕМА, 2015. – 139 с.
4. Бялт В. С., Трифонов В. А. Запреты и ограничения, связанные с приемом на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 257–263.
5. Демидов А. В. Актуальные проблемы реформирования системы государственной службы Российской Федерации // Гуманитарные науки в XXI веке : сб. ст. по материалам XXV Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 135–138.
6. Зейналов Ф. Н. Особенности форм и методов несения ДПС // Наука и практика. – 2010. – № 2. – С. 52–53.
7. Костенников М. В. Правовое регулирование транспортной безопасности и роль полиции в ее обеспечении // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 9. – С. 23–29.
8. Никишкин А. В. Обеспечение безопасности дорожного движения – основная задача субъектов Российской Федерации на современном этапе // Вопросы юриспруденции: история и современность: Сборник статей по материалам II международной научно-практической конференции по юриспруденции. – СПб. : Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2015. – С. 72–76.
9. Никишкин А. В. Основная задача современной России – обеспечение безопасности дорожного движения // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 131–138.
10. Трифонов В. А. Конституционно-правовые основы приема граждан на государственную службу в Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 28–30.
11. Чирков Д. К. Безопасность и государственное строительство: современные проблемы. Глава 3 // Декриминализация экономических преступлений: за и против : монография / под общ. научн. ред. Н. А. Фроловой. – М. : Орбита-М, 2013. – 384 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016–2017 ГОДАХ**

Дата	Название
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2017 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2017 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2017 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2017 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2017 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2017 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2017 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2017 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2017 г.	Иновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2017 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2017 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2017	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2017 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2017 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2017 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2017 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2017 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук

22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор за 2015 г.
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • Infobase Index (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,041, • Scientific Indexing Services – 1,09, • General Impact Factor – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor – 4,22, • Research Bible – 0,781, • Infobase Index – 2,06, • РИНЦ – 0,119
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Tyumen State Oil and Gas University
Penza State Technological University
Tashkent Islamic University
Penza State University

PERSONALITY, SOCIETY, STATE, LAW: PROBLEMS OF CORRELATION AND INTERACTION

Materials of the V international scientific conference
on October 15–16, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 25.10.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 5,3.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz